

СПЕЦВЫПУСК

ОКТАБРЬ/2019
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№10 (163)

ИСТОРИИ

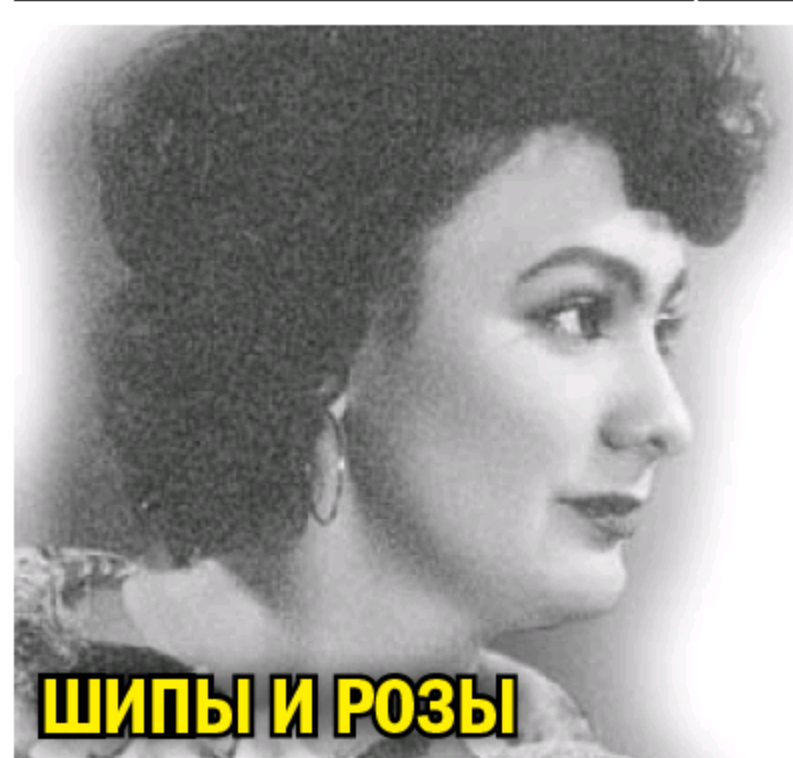

ДЕТИ ВОЖДЕЙ

В НОМЕРЕ:

ПЕРСОНА

10

ШИПЫ И РОЗЫ

РОДОСЛОВНАЯ

14

ВИКТОРИАНСКОЕ
ПРОКЛЯТИЕ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

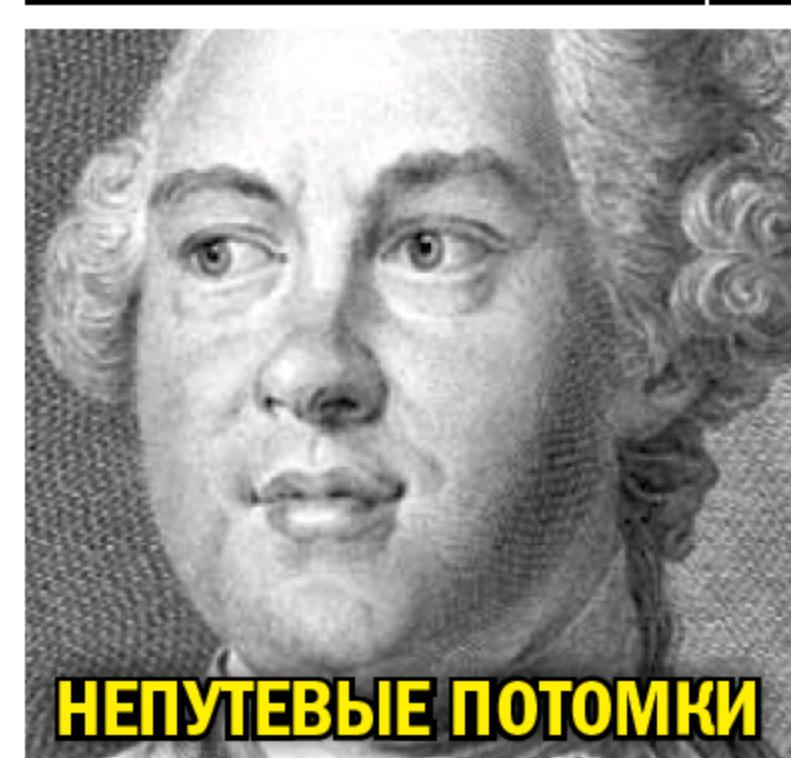
8

ФУРЦЕВА
ДОЧЬ
ФУРЦЕВОЙ

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

18

НЕПУТЕВЫЕ ПОТОМКИ

ОДИН ДЕНЬ С ВНУКОМ СТАЛИНА

Алексей БОГОМОЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Юрий Давыдов: «Я ко всему готов – и к любви, и к ненависти, и к интересу, и к безразличию». Целых сто лет потомки Сталина по «туруханской» линии хранили в секрете свою семейную тайну

«Н у и как вы себя чувствуете, уважаемый Юрий Александрович, проснувшись сегодня утром в качестве «легитимного» внука Сталина, – спросил я, – появились гордость и повышение самооценки?» Внук генералиссимуса на секунду задумался: «Нет, скорее, это чувство облегчения. Я, в первую очередь, рад тому, что сумел снять своего рода тень со своих родителей, что нам удалось показать всем, что они, рассказывая о нашей семейной тайне, не только не говорили мне неправду, но даже и не преувеличивали».

С Юрием Александровичем Давыдовым, простым инженером-строителем из Новокузнецка, тогда ещё только «предположительным» внуком Иосифа Виссарионовича Сталина, мы познакомились в конце марта.

Вкратце напомним читателям историю о том, почему наша газета имела самое непосредственное отношение к признанию нашего героя прямым потомком «вождя народов». В январе 2016 года мне удалось обнаружить в Российском государственном архиве социально-политической истории комплекс документов из Особой папки Политбюро ЦК КПСС, которые до меня, если судить по записи в листе использования и пометкам на документах, видели только Хрущёв, Молотов, Каганович, Маленков, Булганин, другие члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, секретари ЦК и председатель КГБ Серов. Документы эти неопровержимо доказывали то, что в 1956 году Президиум ЦК КПСС и КГБ СССР проводили расследование в отношении внебрачного сына Сталина, причём пришли к выводу, что он действительно существует.

Мы опубликовали эти документы в материале «Настоящая история внебрачного сына Сталина. Конечно, мы предполагали, что публикация вызовет интерес у читателей, но не могли предвидеть всех её последствий.

Финал этой истории уже известен: совпадение ДНК у двух испытуемых (тест по Y-хромосоме) составило 99,98%. И это означало только одно: Юрий Александрович Давыдов – теперь всеми признанный потомок человека, который тридцать лет был во главе нашей страны...

О моём существовании Сталин, возможно, и не подозревал...

Мы встретились с Юрием Давыдовым и провели с ним практически весь день. И всё время разговаривали. Об истории страны и отдельно взятой семьи, о жизни сегодня и много лет назад, о людях, событиях и многих, иногда даже совершенно обыденных вещах.

– А вы, Юрий Александрович, готовы теперь к тому, чтобы стать публичной фигурой, что к вам поедут журналисты со всей страны, будут надоедать всячески?

ЮРИЙ ДАВЫДОВ В ГОСТЯХ У «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Это сегодня мы с вами беседуем в спокойной обстановке, времени до самолёта на Новокузнецк у вас ещё несколько часов, на сталинские высотки мы посмотрели, Ближнюю дачу кругом объехали, в редакции у нас побывали... А ведь приедете, там работа, выходных – всего два...

– У меня уже были подобные времена, своего рода репетиция, когда в начале двухтысячных разные журналисты и телевизионщики приезжали...

– Но сейчас телевидение на всю страну о вас расскажет, статей в газетах множество будет. А ведь это всё смотрят и читают люди, в том числе и в вашем городе...

– Я сталкивался с этим. Кто-то подходил просто поздороваться, кто-то подержать, а от других только негативные эмоции оставались. У нас в Сибири народ-то простой. Идёшь по улице или в трамвае едешь, кто-нибудь как привяжется, да ещё нетрезвый. А если покажешь, что с ним не очень хочешь говорить, обижается: «Ах ты, какой выискался, поговорить с простым народом не хочет!» Так что в принципе я к этому готов. И к любви, и к ненависти, и к интересу, и к безразличию. Люди разные, и каждый имеет право на собственное мнение...

– Что же вы, Юрий Александрович, вот так по-простому, пешком или на трамвае? Почему машины нет в наше продвинутое время?

– Когда было желание купить, не было финансовой возможности. Накоплений-

но никаких, откуда они у инженера? С другой стороны, сейчас смотрю на своих друзей, ровесников, они с машинами, но болеют, двигаются очень мало. И один разговор: бензин дорогой, запчасти покупать надо... Я привык пешочком.

– А какая у новокузнецкого инженера с сорокалетним стажем, хоть он и сталинский внук, зарплата?

– Разная. Зависит от того, как проект идёт, какие есть премии и надбавки в тот или иной месяц. Минимум – пятнадцать тысяч, максимум – пятьдесят. А в среднем, наверное, около двадцати – двадцати пяти получается.

– На пенсию не собираетесь? Всё-таки, хоть вы и выглядите бодро, но 67 лет – это возраст не детский...

– А как жить-то тогда? Выйду на пенсию в шестнадцать тысяч рублей с копейками, и что? Счета коммунальные половину съедят. Хорошо ещё, что я от домашнего телефона отказался, не плачу за него. А ещё ведь продукты нужно покупать и ещё что-то. А внукам подарки привезти? В общем, приходится работать...

– Всё равно тяжело, ведь молодёжи-то полно, у которой и силы, и молодость и стремление к новым техническим решениям.

– Тяжело, конечно. Раньше работал от звонка до звонка без проблем. А сейчас с понедельника по четверг нормально, а в пятницу силы уже на исходе, все чертежи сливаются, строчки не всегда разбираешь.

Но работаю ведь, привык всю жизнь трудиться.

– Вот вы, Юрий Александрович, – внук человека, который возглавлял нашу страну дольше, чем кто-либо другой. В каком доме живёте, не в сталинском случайно?

– Нет, в обычной хрущёвке, на первом этаже. Хорошо, что не нужно пешком подниматься, хотя и минусов предостаточно. Не хочу Хрущёва критиковать, боюсь непонятым быть, но дома эти, они не для людей строились. Это я вам как профессионал говорю. Ведь были изменены СНИПы, строительные нормы и правила, и вместо 77 сантиметров кирпича, который и от холода защищал, и в жару прохладу сохранял, сделали 52 сантиметра. А уж про железобетон я совсем не говорю. Экономии на материалах, просаживая огромные деньги на тепловой энергии. И, главное, о людях-то не особо думали, об их комфорте. А что до того, чей я внук, то я никаких привилегий не искал никогда, да и не ищу. Для меня главное – моральный фактор. Показать всем, что тайна моей семьи была вполне реальной и что события вековой давности, которые привели к рождению моего отца, действительно имели место.

– Вот вы для кого-то внук генерального секретаря и председателя правительства, для других – обычного политического ссыльного, для третьих – тирана, для четвёртых – спасителя страны. А вы как к своему деду относитесь?

– Как к своему деду, в первую очередь, хотя в общем-то человеку чужому, как к члену семьи, хотя мы друг друга и не знали, и о моём существовании он, возможно, даже и не подозревал...

Как хранилась семейная тайна

Мы с Юрием Александровичем ехали по Москве, и значительная часть поездки была посвящена «сталинским местам». По Арбату, который при жизни генералиссимуса был правительственной трассой, нам проехать не удалось, поскольку он давно уже стал пешеходным, но остальную часть маршрута до Ближней дачи мы проделали почти тем же путём, что и сталинский кортеж. И разговор у нас зашёл о тайнах, государственных и семейных...

– Юрий Александрович, когда вы узнали о том, что вы внук Сталина? Как это случилось?

– В 1971 году мне исполнилось 23 года, и я уже учился на пятом курсе Сибирского металлургического института, на строительном факультете. Было это, скорее всего, весной. Последняя сессия после Нового года была сдана, и я занимался, ушёл на дипломное проектирование, вот тогда это и было. Тогда родители меня и оговорили.

– Они вместе вам всё рассказали?

– У нас в семье такой обычай был. Если что-то натворишь, отец семейный совет собирал. Был такой диван старый, покрытый дерматином. Виновник туда садился, а все «судьи» за стол. Когда он сказал, что нужно поговорить, я подумал, что вроде бы я ничего такого не делал, не за что меня туда «на суд» приглашать, но пошёл. Ещё при этом присутствовал мой старший брат Эдуард. Отец понял моё волнение и говорит: «Ты бабушку видел, помнишь её... Это моя мать. А бабушкин муж – это Сталин. Я спрашиваю: «Как же так?» И они мне вкратце всё рассказали про то, что когда он был в ссылке в Курейке, всё

это произошло. И после этого отец добавил: «Вот ты это услышал – и забудь. Никогда никому ничего об этом не говори, ни друзьям, никому. Всё должно остаться в нашем семейном кругу».

Потом, когда это всё закончили, разошлись, я спрашиваю Эдика, старшего брата: «А ты-то знал об этом?» Он ответил: «Конечно, знал. Но родители мне сказали тебе пока ничего не говорить. Говорят: «Мы ему сами скажем, когда придёт время». Эдик был старше меня на несколько лет, так что ему и сообщили обо всей этой истории на несколько лет раньше». Я его ещё раз спрашиваю: «Мы братья, что же ты мне об этом не говорил?» Он отвечал: «Мне сказали молчать, я и молчал».

– А ваш старший брат когда умер?

– В 1992 году.

– Когда вы узнали о вашей семейной тайне, стали интересоваться личностью Сталина?

– Да, конечно, но тогда информации было крайне мало. В основном писали про культ личности, про репрессии и так далее. Но наша тайна так и оставалась тайной.

– А с родителями и братом вы об этом говорили, об этих книгах?

– Отца уже не было, когда я с матерью беседовал на эту тему ещё раз. Она ведь тоже из тех краёв, что и отец, так что с молодости всё знала. И говорю: «Вот в этой книге пишут, что было такое событие, вот тут есть упоминание о сыне в Сибири, вот там. Сегодня-то что бояться? Давай в редакцию напишем о том, что такой факт есть...» Она к этому делу серьёзно отнеслась. Говорит: «Знаешь, Юра, обсудим это не сегодня, я должна подумать». А через день-два она говорит: «Давай оставим всё как есть. Не надо никому об этом рассказывать».

– Когда же эта завеса приоткрылась?

– Когда родителей уже не стало. В конце 1999 года мне позволила журналистка из «Известий» и спросила: «А вы знаете, что вы внук Сталина?» Я отвечаю: «Да, конечно, знаю. Была такая история, о которой мне рассказали родители».

– А она откуда об этом узнала?

– От историка Бориса Семёновича Илизарова, который нашёл первое сообщение председателя КГБ Серова о том, что у Сталина был сын. Вы, впрочем, об этом тоже писали, как и о том, что фамилии и даты там были перепутаны. Но факт остаётся фактом: это было первое документальное упоминание. В «Известиях» по этому поводу вышла статья, и корреспондентка мне эту статью выслала.

Под негласным надзором КГБ

Когда я изучал документы о «партийном следствии» по делу внебрачного сына Сталина, то обратил внимание на то, что вместе с письмами партийных чиновников, в том числе и непосредственно занимавшихся выяснением всей правды о жизни Сталина в ссылке, постоянно встречаются документы и ссылки на КГБ СССР. Похоже, КГБ был не только в курсе проблем, но и негласно контролировал членов семьи сына Сталина. Видимо, поэтому они несколько десятилетий не рассказывали о своих семейных тайнах никому, даже самым близким друзьям. Поэтому я задал внуку Сталина вопрос, бралась ли с его родителей подписка о неразглашении, о которой упоминали историки.

– Я уверен, всё это наверняка было. Наше семейство чувствовало некоторое внимание КГБ. Я же впервые ощутил это, когда учился в институте. За институтами, тем более такими, как наш, тогда, в конце шестидесятых – начале семидесятых, был особый надзор. Вы помните, как во время нашего с вами участия в передаче «Прямой эфир» на «России-1» некоторые участники программы по этому пово-

ду хихикали, говоря, что за студентами никакого наблюдения не велось? Это было не так. У нас в соседнем подъезде жил капитан КГБ, который курировал наш вуз. Между прочим, работал он очень профессионально.

– Попытлся вербовать в сотрудники?

– И нестандартным способом. Дело было летом. Он вышел на балкон, а мы с ребятами (нам было по восемнадцать-двадцать лет) сидели во дворе. Он говорит нам: «Зайдите ко мне». Для начала одному из нас дал деньги и говорит: «Сгоняй за «красеньким». А потом, когда выпили, он нас разговаривал. Спрашивал, кто где работает, кто учится. А потом с двумя из нас, которые в металлургическом учились, начал «работу проводить». И не

ЮНЫЙ ВНУК СТАЛИНА НА «ТОМ САМОМ ДИВАНЕ»

СТАРШИЙ БРАТ ЮРИЯ ДАВЫДОВА – ЭДУАРД – С СУПРУГОЙ, 1969

сразу так – с места в карьер, а исподволь. Может быть, после того, как в особом отделе института получил нужную ему информацию. А уже ближе к концу учёбы он пригласил нас и говорит: «Мужики, вам уже по двадцать лет, скоро институт закончите. А не хотели бы вы в КГБ работать? Я бы посодействовал. Почему-то говорил про Алма-Ату как место дальнейшей учёбы. Обещал, что поможет поступить, получить второе высшее образование. Я подумал: «А что тут такого?» И в принципе почти согласился (в 1970-х годах в Алма-Ате находилось два учебных заведения КГБ СССР – Высшее командное пограничное училище и Курсы усовершенствования оперативного и руководящего состава. – Ред.).

– Родители же не сказали?

– Конечно, в тот же день и рассказал и отцу, и матери. Отец ничего не сказал, только спросил, кто мне предложил такую карьеру. Я ему говорю: «Вот тот капитан, что рядом с нами живёт». Отец промолчал. Потом через несколько дней он этого капитана встретил. Они о чём-то поговорили, до сих пор не знаю, о чём. После этого капитан от меня отстал. Я предполагаю, что отец рассудил, что если идти на работу в КГБ, то там родственников до десятого колена будут проверять. А при этом всплывёт и наша семейная история. В общем, отец был против, и я его послушал...

– А мог ваш «куратор» про вашего деда знать?

– Не думаю, не его уровень был. Но в дальнейшем, повторяю, история всплыла бы обязательно...

– То есть о вас знали, контролировали, но без деталей?

– Скорее всего так. Внимание-то чувствовалось, и то, что какой-то особый учёт был, тоже. В КГБ знали про отца, где он и чем занимается. Но подписку не нарушал, негативно себя не проявлял, его и не трогали.

– А вашего брата это тоже касалось?

– Эдик, старший брат, хотел в середине пятидесятых годов, когда мы жили на Дальнем Востоке, в мореходку поступить: океан, романтика... А там ведь тоже спецпроверка. Отец говорит: «Хрен тебе, а не мореходка. Я «отхабачил» в армии, тебе там делать нечего». Так и не стал мой брат моряком...

У Сталина родился внук. в Пхеньяне, в день рождения Ленина...

Исследуя биографию Юрия Александровича Давыдова и его отца, Александра Давыдова, я обнаружил целый ряд любопытных совпадений, которые, несомненно, должны заинтересовать не только наших читателей, но и руководство Трудовой партии Кореи. Любопытный факт: внук Сталина родился 22 апреля 1948 года в тогда ещё временной столице

Северной Кореи – городе Пхеньяне. В сентябре 1945 года сын Сталина Александр Давыдов был вместе со своей частью переведён в Северную Корею и служил там в звании капитана Рабоче-крестьянской Красной Армии. Тогда же в Пхеньян прибыл другой капитан РККА Ким Ир Сен, который стал помощником военного коменданта Пхеньяна.

С почти стопроцентной уверенностью можно говорить о том, что когда 14 октября 1945 года на стадионе в Пхеньяне состоялся митинг в честь РККА, на котором командующий 25-й армией генерал-полковник Чистяков представил собравшимся Ким Ир Сена в качестве «национального героя» и «знаменитого партизанского вождя», а тот произнёс речь, Александр Давыдов был в числе зрителей. Вполне возможно, внук Сталина и будущий лидер КНДР общались и по службе. К сожалению, все фотографии из архива Александра Давыдова, где советские офицеры были запечатлены вместе с корейскими товарищами в декабре 1948 года во время

вывода советских войск из Северной Кореи, были подвергнуты своего рода цензуре. Лица корейских военных, в том числе, возможно, и Ким Ир Сена, на совместных фотографиях были вырезаны. В семейном архиве остались несколько таких «порезанных» фотографий.

– Юрий Александрович, у вас в паспорте очень необычная запись о месте рождения. Пхеньян (Северная Корея) ...

– Да, я родился именно в Пхеньяне.

– Из того периода вы, наверное, ничего не помните?

– Я слишком маленький был, мы уехали из Пхеньяна, когда мне было три года. А вот старший брат Эдик – он быстро освоился, играл с корейчатами и научился бегло говорить по-корейски. Мать его с собой на базар в качестве переводчика, он даже торговался с продавцами. А родители в силу возраста так и не смогли выучить язык.

– А где жила ваша семья?

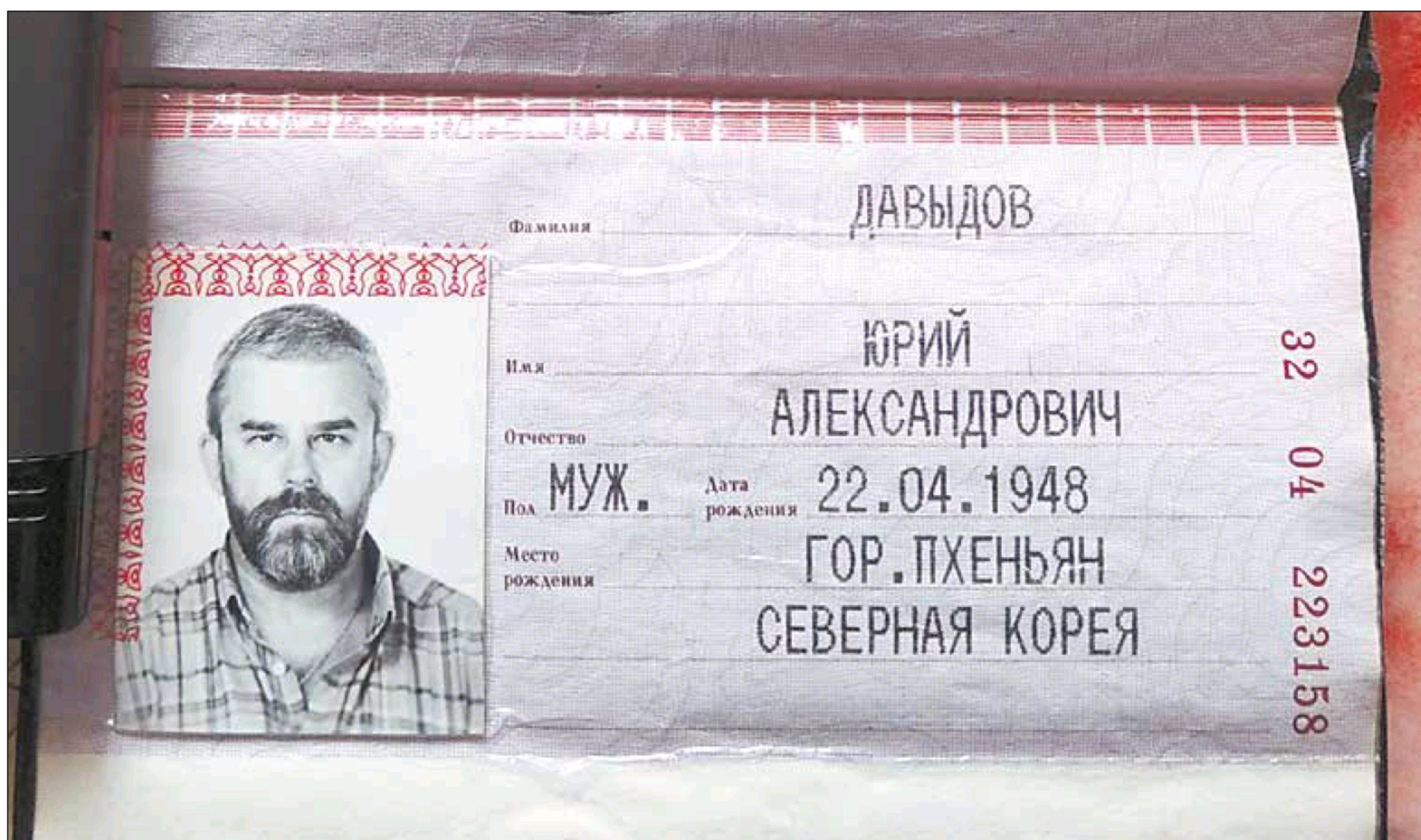
– Дали нам дом какого-то японского генерала. От него там, кстати, боевая сабля осталась, которой мать дрова рубила, больше нечем было.

– А вы знаете, что будущий национальный лидер КНДР Ким Ир Сен вполне мог бы быть вашим соседом? Он также поселился Пхеньяне в одном из небольших особняков, в райо-не, где жили японские офицеры и чиновники...

– Нет, я этого не знал.

– Ваш отец занимал какую-то серьёзную должность тогда?

ПАСПОРТНЫЕ ДАННЫЕ ВНУКА СТАЛИНА

– Заместитель командира батальона по политчасти. И ординарец у него точно был. Кстати, занятая история с этим ординарцем тогда произошла. Приходит отец с вместе с ним домой, затем вдруг исчезают куда-то, а возвращаются не совсем трезвые. Мать проследила и выяснила, что в генеральском подвале стояла здоровенная бочка с японской водкой саке. В общем, после службы, спускались они туда и по кружке наеживались...

– Она ввела строгий контроль?

– Нет, действовала гораздо решительнее. У матери был подаренный кем-то из отцовских друзей дамский браунинг с патронами, и она «приговорила» бочку с саке к расстрелу. Выпустила всю обойму, не думая о последствиях. Родители рассказывали, что в доме запах спирта стоял ещё недели две. В общем, лишила отца удовольствия. С другой стороны, всё-таки дети маленькие в доме...

– Вряд ли это отцу понравилось. Он по характеру был человеком вспыльчивым?

– Нет, скорее спокойным. Мать своё место знала, понимала, что лучше ему не перечить. Но скандалов между ними я не помню, жили мирно.

– Они, вы говорили, оба курили?

– Да, отец и умер из-за этого, у него рак горла был. Возможно, и прожил бы дольше, но знакомый хирург отговорил его от операции. Отцу не раз говорили, что ему необходимо бросить курить, но он даже и не пытался. А вот мать бросила. Сначала попила таблетки какие-то, а потом сама решила: не буду, и всё. Говорила, что пару месяцев её тянуло покурить, а потом тяга всё меньше и меньше становилась. А отец до самой смерти по две пачки в день выкуривал.

– А как ваш отец относился к войне, вспоминал ли, как День Победы отмечали?

– День Победы, конечно, был праздник святой. Отмечали его всегда, и когда он работал, и когда на пенсии был. Но сколько лет с войны прошло, про неё дома старались не говорить, очень тяжело ему было вспоминать, переживал. Кстати, старшего сына Эдика отец назвал в честь своего друга, погибшего в первые дни войны.

– Вы смерть Сталина помните? Вам тогда пять лет было...

СЫН СТАЛИНА КАПИТАН АЛЕКСАНДР ДАВЫДОВ С ЖЕНОЙ. ПХЕНЬЯН, 1947

– Нет, не помню. Не отложилось в памяти.

– А какие-то «сталинские» даты, день рождения, день смерти в семье отмечали?

– Нет, только 7 Ноября отмечали, совмещали с днём рождения отца 6 ноября, Новый год отмечали, 1 Мая, День Победы...

От комсомола я отбоярился

Трудно поверить, но Юрий Давыдов, прямой потомок Сталина, в шестидесятые годы поступивший в институт, имевший серьёзную оборонную составляющую, а потом и ставший дипломированным инженером, никогда не был комсомольцем. Наши читатели с большим стажем, выросшие в СССР, знают, что без комсомольского билета в вузы, как правило,

просто не принимали, да и с работой могли быть сложности. Но Юрий Александрович рассказал, что у него таких проблем не возникло и он уже больше сорока лет проектирует дома и торговые центры, шахты и спорткомплексы.

– Как отец реагировал на то, что вы отказались вступать в комсомол, и вообще почему такое могло произойти в нашей стране?

– Отец, конечно, очень меня ругал. Говорил: «Ты должен...»

– Он ведь членом КПСС был?

– Да, во время войны вступил в партию... А для меня в октябрю, в пионеры вступать или нет, как-то разговора не было. Все вступали, и я вступал. А вот с комсомолом по-другому. Там же принимали не скопом, а по одному. И я заметил, что отвечает на уроке комсомолец на четвёрку, а ему пятёрку ставят, за какие-то должности, свои послабления были. А это как-то не по мне было. Незаконные

поблажки всякие. Может быть, это ещё возраст такой у меня был, но я уж очень не любил, чтобы мной кто-то командовал.

– Может быть, это гены вашего дедушки?

– Может быть, и так. И я отбоярился от этого дела. Пару раз меня пытались затянуть, но я сказал: «Не хочу, и всё». Классный руководитель отцу пожаловался, тот со мной тоже пару раз разговаривал. Поругались мы с ним на этой почве. Но силком меня не стал заставлять.

– А в институте? Как вы вообще без комсомольского значка в вуз попали?

– Никто про это и не спрашивал. Там мне вообще «комсомольская жизнь» не приглянулась. Все привилегии местного масштаба – это не для меня. Учился я хорошо, экзамены сдавал вовремя, так что ко мне и не приставали... А когда окончил институт и уже работал, меня отец ещё раз пытался «наставить на путь истинный». Не удалось. Меня вообще трудно было заставить что-то делать вопреки моим взглядам. Разве что когда выяснилось, что я левша, насильно переучили писать правой рукой. Был предмет под названием чистописание. Для меня – полный кошмар. Когда родители не видели, тетрадь переворачивал, как мне удобно было, и наяривал левой рукой, но потом они это просекли и всё-таки заставили перейти на правую. В результате почерк у меня получился крайне непонятным.

– Отец у вас строгий был?

– Нет, не строился. Как все родители. Ни за что не били, не наказывали. В основном, словом пытался. Родители, когда они в Сталинск (так раньше Новокузнецк назывался) приехали, имели по семь классов образования.

Отец с матерью вместе ходили в вечернюю школу рабочей молодёжи, там по 11 классов окончили. Им самим учиться надо, а тут я... Потом техникумы окончили, отец – торговый, а мать – финансовый. А после этого пошла в строительную организацию, заниматься заказами всякими, проводить их по бухгалтерии. А отец долго работал в различных столовых директором. Обычно его бросали туда, где плохо было, воровали... Он быстро наводил порядок, получалось это у него.

– Ваш отец больше двадцати лет проработал именно в этой сфере?

– Где плохо – его туда и отправляли. Был и директором ресторана «Метал-лург»...

– У нас сейчас это называется «кризисный менеджер».

– Что-то в этом роде.

– Интересно, что бы сказали работники ресторана, если бы узнали, что их директор – сын Сталина?

– Трудно сказать. Но его все уважали, в первую очередь за то, что он ни копейки не брал себе, ничего домой не таскал. И к людям относился строго, но с пониманием. Такие у него были жизненные принципы...

Мы ещё долго разговаривали с Юрием Александровичем Давыдовым о необычной истории его семьи, и самое главное, что мне запало в душу, – это необычная для родственников известных персон простота и искренность.

Его отец, сын Сталина, прожил всю жизнь как обычный гражданин нашей страны, жил, работал, воевал, был награждён полутора десятками орденов и медалей, переезжал с места на место, воспитывал детей и внуков.

Да и сам Юрий Давыдов может в каком-то смысле служить примером честного и не испорченного ни «оттепелью», ни «застоем», ни перестройкой, ни «лихими девяностыми» отношения к нашей жизни.

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ внебрачного сына Сталина

«Дело о сожительстве ссыльного поселенца Джугашвили с несовершеннолетней Лидией Перепрыгиной». «Совершенно секретно» впервые публикует закрытые материалы из Особой папки Президиума ЦК КПСС о сыне Сталина Александре Давыдове

Алексей БОГОМОЛОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Про внебрачных детей Иосифа Сталина в последнюю четверть века писали и говорили довольно много. Началось всё это с 1990-х годов, когда стали появляться псевдодокументальные книги и статьи. Можно отметить такие произведения: Колесник А. Хроника жизни семьи Сталина. – Харьков, 1990; Бастарды красного вождя: документальный рассказ о двух неизвестных сыновьях Сталина – Константине Кузакове и Александре Джугашвили-Давыдове//газета «Час пик». – 1995. – 21 окт.; Торчинов В. А., Леонтьук А. М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. – Санкт-Петербург, 2000.

В 2007 году в Великобритании была опубликована книга журналиста и историка Саймона Себага Монтефиоре «Молодой Сталин». Он писал: «Мать ещё одного непризнанного ребёнка Сталина – 13-летняя Лидия Перепрыгина, с которой 34-летний Сталин жил в Курейке, куда был сослан в 1914 году... К этой связи в Курейке отнеслись бы терпимо, однако Лидия забеременела, и её братья обозлились. Местные жандармы грозили возбудить уголовное дело, и лишь обещание Сталина жениться на Лидии, когда она достигнет необходимого возраста, предотвратило скандал... Сын Сталина Александр родился в 1917 году. Однако Сталин бежал из ссылки ещё раньше. Лидия стала парикмахером в Игарке, выйдя замуж за местного рыбака Якова Давыдова, который усыновил её ребенка. В секретном докладе Хрущёву главы КГБ СССР генерала Серова говорится, что «Сталин никогда не помогал ей». Александр стал почтальоном. В 1935 году его вызвали в Красноярск и потребовали, как и в случае с сыном Кузаковой, подписать обещание никогда не рассказывать о своём происхождении. Александр Давыдов воевал, был дважды ранен, дослужился до майора. После войны работал директором столовой в Новокузнецке. У него было трое детей – внуков Сталина. Александр скончался в 1987 году».

После публикации этой книги было и расследование «Огонька» в том же 2007 году, и статьи в «МК» и «Комсомольской правде», в которых версия о существовании внебрачного сына Сталина по имени Александр базировалась на семейных преданиях, рассказах соседей и пр. Точно так же, по рассказам и легендам, в 2008 году был снят фильм канала НТВ из серии «Главный герой». Единственным документом, который вообще упоминается какими-либо авторами, был «секретный доклад Ивана Серова Никите Хрущёву», датированный июнем 1956 года и рассекреченный ещё лет двадцать назад. Кстати, об этом докладе говорят и историк Борис Илизаров в фильме телеканала ТВЦ «Внебрачные дети» из серии «Хроники

ВНЕБРАЧНЫЙ СЫН СТАЛИНА АЛЕКСАНДР И «ОФИЦИАЛЬНЫЕ» ДЕТИ ВАСИЛИЙ И СВЕТАНА

московского быта», вышедшем на экран в октябре 2015 года, и автор книги «Сталин: парадоксы власти, 1878–1928 гг.» американский историк, профессор Принстонского университета Стивен Коткин. В «докладе Серова» (его подлинность сомнений не вызывает) много странного.

Лейтмотивом всех этих фильмов и материалов было то, что Сталин судьбой своего сына Александра и его матери никогда не интересовался, что никаких архивных документов об этой истории не сохранилось. И действительно, кроме изложения этого доклада, в СМИ не публиковалось ни одного реального документа силовых структур СССР или высших партийных инстанций, который мог бы пролить свет на это дело...

Я, как профессиональный историк, имеющий опыт работы с государственными архивами, довольно часто сталкивался с тем, что неожиданно находятся документальные подтверждения, казалось бы, самых фантастических версий событий из отечественной истории. И, работая над темой «60-летие XX съезда КПСС» в Российском государственном архиве социально-политической истории, обнаружил дело № 494 из описи 171 фонда № 17 (Политбюро ЦК КПСС). Лист его использования (это первая страница, на которой расписываются исследователи, изучавшие данные документы) был практически чистым. Единственная запись сообщала о том, что все документы этого дела были

рассекречены в 1998 году, задолго до появления западных книг и отечественных журналистских расследований на тему о внебрачном сыне Сталина. Я оставил на странице свой автограф и дату – 18 января 2016 года и начал изучать все документы подряд. И уже в первом комплексе документов меня ждала сенсация!

«ИМИ ИНТЕРЕСУЕТСЯ ТОВ. СТАЛИН»

Растиражированный в историко-публицистической литературе и интернет-статьях фрагмент «секретного доклада Серова» об обстоятельствах жизни Сталина в ссылке на самом деле не итоговый материал расследования, которое проводилось президиумом ЦК КПСС по этому поводу, а один из сюжетов, подтверждавших факты, уже известные высшему партийному руководству. Чтобы по этому поводу не было никаких разногласий с коллегами-историками, приведём сюжет из письма Серова Хрущёву полностью.

«Кроме того, по рассказу гр-ки Перельгиной было установлено, что И. В. Сталин, находясь в Курейке, совратил её в возрасте 14 лет и стал сожительствовать».

В связи с этим И. В. Сталин вызывался к жандарму Лалетину для привлечения к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней.

И. В. Сталин дал слово жандарму Лалетину жениться на Перельгиной, когда она станет совершеннолетней.

Как рассказала в мае месяце с.г. Перельгина, у неё примерно в 1913 году родился ребёнок, который умер. В 1914 году родился второй ребёнок, который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который и усыновил родившегося мальчика Александра. За всё время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время сын Александр служит в Советской армии и является майором».

Напомним читателям, что цитируемый и растиражированный доклад, выполненный не на личном бланке председателя КГБ, а на обычном бланке КГБ СССР, датирован 4 июня 1956 года. И в нём есть ссылка на то, что в мае 1956 года «гражданку Перельгину» допрашивали относительно обстоятельств её знакомства со Сталиным и рождения детей. И вот тут начинается самое интересное. В июньском письме на имя Хрущёва много путаницы. Например, сожительница Сталина Лидия Перепрыгина из Курейки именуется Перельгиной, год рождения сына Александра указан не 1917-й, а 1914-й. А ещё при этом Серов ссылается на то, что «Перельгина» рассказала о деталях отношений с будущим «вождём народов» и о том, что у неё в 1913 году родился сын, который умер.

Отметим в скобках, что Сталин прибыл в Курейку не в 1913 году, а в марте 1914-го...

А при чём же тут упоминавшийся допрос в мае 1956-го? Кому Лидия Перепрыгина (будем называть её фамилию правильно) рассказывала о Сталине? Были ли свидетели их связи? С чьей подачи жандарм Лалетин вдруг озабочился моральным обликом будущего «вождей народов»? И правда ли, что товарищ Сталин никогда не интересовался судьбой своих родственников из Курейки? На все эти вопросы мы получили исчерпывающие ответы, исследовав материалы расследования относительно Сталина и его внебрачного сына, которое было предпринято Президиумом ЦК КПСС и КГБ СССР весной 1956 года.

Итак, начнём с самого начала. Как выяснилось, самым важным источником информации по данной проблеме оказался секретарь ЦК КПСС Аверкий Борисович Аристов. Его письмо Никите Хрущёву (РГАСПИ, фонд 17, опись 171, дело 494, лист 1) выполнено не на бланке секретаря ЦК, а на обычном листе бумаги формата А4. Насправа сверху есть пометка: подчеркнутые буквы О.П., что обозначает высокую степень секретности и передачу этого письма в Особую папку Президиума ЦК КПСС.

Вообще-то уже первый абзац этого текста разбивает все тезисы исследователей и журналистов относительно того, что Сталин не интересовался семейством Перепрыгиных. Вот что написал Хрущёву Аверкий Аристов: «В бытность мою секретарём Красноярского крайкома КПСС (с июля 1944 по февраль 1950 года. – Авт.) в один из приездов в Москву в конце 1946 года мне позвонил тов. Поскребышев (секретарь Сталина. – Авт.) и спросил меня, что я знаю об Ивановых и Перепрыгиных, проживающих в Курейке, где был в ссылке тов. Сталин. Я ему ответил, что ничего не знаю об Ивановых и Перепрыгиных. Тов. Поскребышев попросил меня навести справки об этих людях по возвращении в Красноярск, так как ими интересуется тов. Сталин».

Выполняя поручение, Аристов направил инструктора крайкома КПСС П. Сиротенко в Курейку и Дудинку, чтобы тот собрал интересующую Сталина информацию. Но собранные Сиротенко факты носили такой характер, что рассказывать о них полностью генералиссимусу было нельзя. Вот что писал об этом секретарь ЦК Аристов: «Возвратившись из командировки, т. Сиротенко доложил мне, что он нашёл Ивановых и Перепрыгиных, и рассказал мне о том, что т. Сталин жил с 14-летней Лидией Перепрыгиной, и что она имеет от него сына. Лидия Перепрыгина тогда же передала фотографию сына Александра».

В то время, получив такие сведения, я, конечно, не мог передать т. Поскребышеву об Иванове Петре, который знал Сталина и

датам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК КПСС».

Знал ли Иван Серов, председатель КГБ СССР, о письме Аристова и расследовании инструктора крайкома Сиротенко? Мы отвечаем и на этот вопрос. 19 мая 1956 года, то есть за девять дней до того, как Аристов отправил своё послание Хрущёву, Серов написал Аристову записку, показывающую, что отчёт Сиротенко передавался в Москву по каналам КГБ. В отличие от его июньского «доклада» выполнена она на бланке Председателя КГБ СССР при Совете Министров СССР. Синим карандашом (машинисткам, видимо, Серов не доверял) было написано: «ЦК КПСС. Тов. Аристову А.Б. (лично). Направляю при этом полученную из Красноярска записку Сиротенко и фотографии! И. Серов».

Послание немного необычное. Мало того что оно выполнено карандашом, в нём ещё присутствует пометка «лично», как будто письмо председателя КГБ секретарю ЦК можно было передать через посредников. А ещё восклицательный знак в конце письма. Это знак важности. Скорее всего, Аристов очень ждал этого письма и особенно фотографий. Интересно то, что и в письме Аристова, и в записке Серова говорится о фотографиях во множественном числе, но в послании Хрущёву есть исправление: вместо первоначально напечатанных слов «прилагаются две фотографии» – просто «фотография». Одна фотография присутствует и в исследованном нами архивном деле...

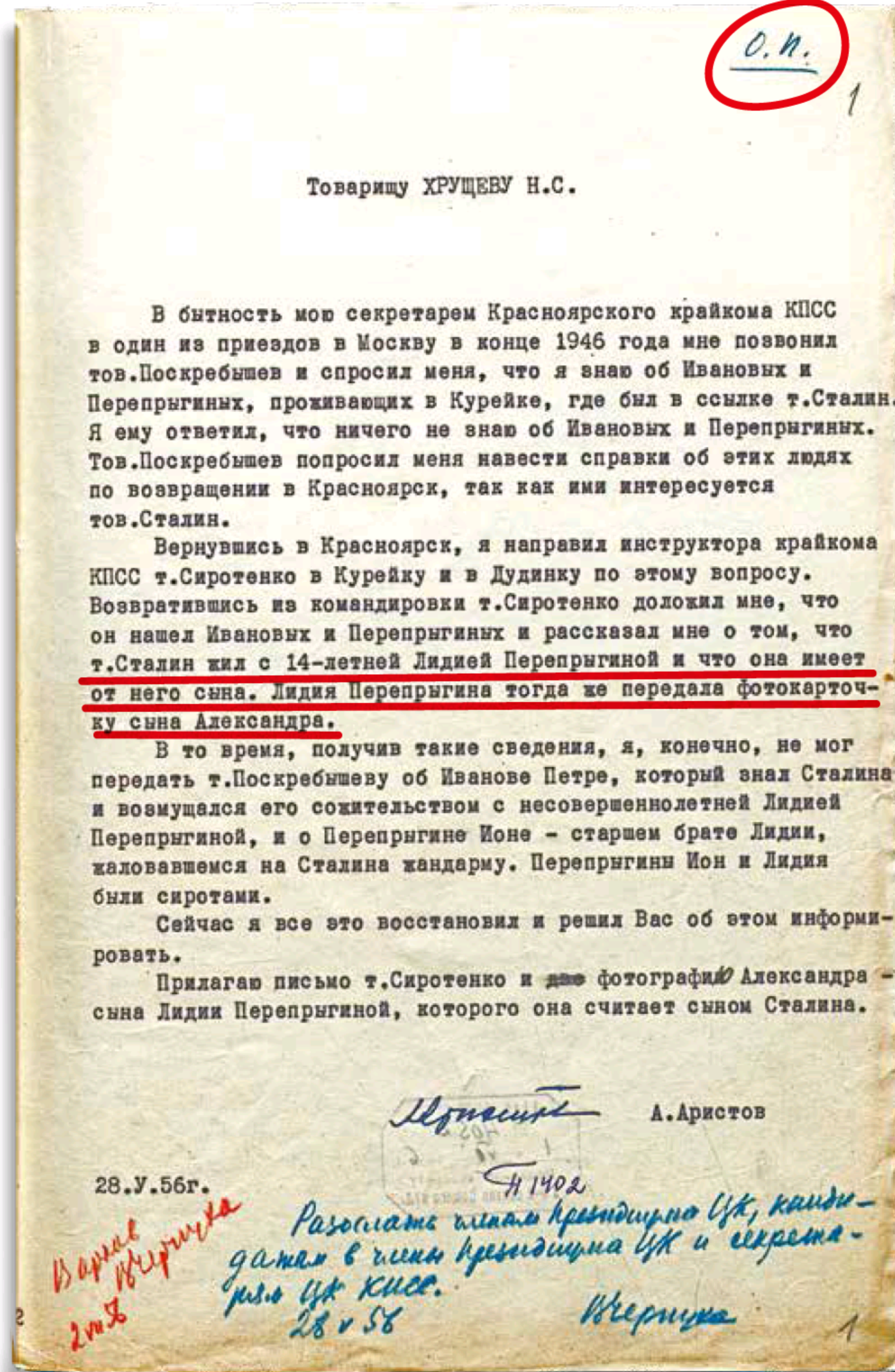
Но самое интересное и подробное описание походов Сталина в Курейку и содержится в письме бывшего инструктора Красноярского крайкома КПСС П. Сиротенко, который в 1956 году занимал пост директора Берёзовского карьероуправления, но прекрасно помнил все события девятилетней давности...

«ПОЛУЧАЛА ОТ НЕГО ПИСЬМА»

4 мая 1956 года П. Сиротенко, бывший инструктор отдела пропаганды и агитации Красноярского крайкома КПСС, исполнитель поручения Сталина – Поскребышева – Аристова, отправил последнему достаточно подробное письмо. Он писал (орфография и пунктуация сохранены. – Авт.): «В январе месяце 1947 года, когда Вы были Секретарём Крайкома КПСС, Вы поручили мне вылететь на север: Дудинка – Курейка и найти носителей двух фамилий: ИВАНОВ и ПЕРЕТОКИН».

На основании материалов, собранных во время поездки, мною было установлено, что никакого ПЕРЕТОКИНА на свете нет, а что это ни кто иной, как ПЕРЕПРЫГИН, фамилия той семьи, у которой на квартире жил тов. СТАЛИН».

Мне в Дудинке удалось очень быстро установить, что ИВАНОВ Пётр, близко

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС АРИСТОВА ХРУЩЕВУ. МАЙ 1956 ГОДА

года, ему было в то время 102 года. Он мне рассказал, что с ИВАНОВЫМ он и ПЕРЕПРЫГИН Ион, старший из детей сирот ПЕРЕПРЫГИНЫХ, вызывались к жандарму ЛАЛЕТИНУ, для составления дела о сожительстве ссыльного поселенца ДЖУГАШВИЛИ с несовершеннолетней Лидией ПЕРЕПРЫГИНОЙ.

И только после того, как он дал слово, что оформит с ней брак по наступлению

СТАЛИНЫМ 14 лет, при СТАЛИНЕ родила мальчика, но он прожил недолго и умер. СТАЛИН дал слово жандармам, что когда она достигнет совершеннолетия, он оформит брак с ней. Перед его побегом (Сталин покинул Курейку в декабре 1916 года. – Авт.) она осталась беременной и родила мальчика уже без него, которого назвала Александром.

Утверждает, что первое время получала от него письма и даже одну карточку, которую по её указанию директор музея ЮРИН нашёл спрятанную на крыше домика в Курейке».

Здесь мы на минуту остановимся, отметив для себя, что в 1947 году вряд ли кто-нибудь из простых смертных осмелился бы говорить неправду секретарю крайкома партии. Так что, скорее всего, Сталин не только был отцом Александра, но и переписывался с его матерью первое время.

Но Сталин Сталиным, а жить-то всё-таки надо. До нынешнего времени все исследователи как-то обходили вопрос о том, когда и почему Лидия Перепрыгина вышла замуж. Записка инструктора Сиротенко отвечает на него: «А когда пошёл слух, что СТАЛИН убит на фронте, её посватал ДАВЫДОВ Яков Семёнович, и она вышла за него замуж. И только через четыре года, когда ей показали один из портретов СТАЛИНА в газете, она узнала в нём отца своего сына, но так как она была теперь замужем за другим, то не сочла нужным напоминать ему о себе и своём сыне».

По моей просьбе Лидия Платоновна передала мне карточку своего сына Александра, которую я и передаю вам с этим письмом».

Интересен тот факт, что бывший инструктор Красноярского крайкома КПСС

“ Сталин дал слово жандармам, что, когда Лидия достигнет совершеннолетия, он оформит брак с ней. Перед его побегом она осталась беременной и родила мальчика уже без него.

возмущался его сожительством с несовершеннолетней Лидией Перепрыгиной и о Перепрыгине Ионе – старшем брате Лидии, жаловавшемся на Сталина жандарму. Перепрыгины Ион и Лидия были сиротами. Сейчас я всё это восстановил и решил Вас об этом информировать».

Письмо Аристова датировано 28 мая 1956 года. На письме резолюция заместителя заведующего Общим отделом ЦК КПСС Владимира Чернухи (он часто выполнял самые важные поручения Хрущёва): «Разослать членам Президиума ЦК, канди-

знавший тов. Сталина, по утверждению его жены Дарьи Алексеевны, очень был возмущён, что Сталин вступил в сожительство с одной из дочерей ПЕРЕПРЫГИНЫХ».

Судя по всему, Пётр Иванов, знавший Сталина лично и возмущавшийся его склонностью к педофилии, до 1947 года не дожил. А инструктор Сиротенко продолжал своё расследование, которое заняло не один месяц. В конце марта 1947 года он отправился в Курейку к местному старожилу Алексею Яковлевичу Тарасеву. «Встретился я с ним в конце марта 1947

совершеннолетия, дело было прекращено...

Старик мне сказал, что Лидия Платоновна ПЕРЕПРЫГИНА (ДАВЫДОВА) живёт в станке Ангуте, что расположен между Курейкой и Туруханском (посёлок Ангута был расположен в 1558 километрах от Красноярска и в 50 километрах от Туруханска. – Авт.). При встрече с ней в апреле месяце 1947 года я узнал следующее:

ПЕРЕПРЫГИНА Лидия Платоновна 1900 года рождения, начала жить со

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС –

товарищу АРИСТОВУ
Аверкию Борисовичу

От бывшего инструктора отдела
пропаганды и агитации Краснояр-
ского Крайкома КПСС – СИРОТЕНКО П.

В январе месяце 1947 года, когда Вы были Секре-
тарем Крайкома КПСС, Вы поручили мне вылететь на се-
вер: Дудинка-Курейка и найти носителей двух фамилий:
ИВАНОВ и ПЕРЕТОКИН.

ПЕРЕПРЫГИНА Лидия Платоновна, 1900 года рождения,
начала жить со СТАЛИНЫМ 14 лет, при СТАЛИНЕ родила маль-
чика, но он прожил недолго и умер. СТАЛИН дал слово жан-
дармам, что когда она достигнет совершеннолетия, он офор-
мит брак с ней. Перед его побегом она осталась беремен-
ной и родила мальчика уже без него, которого назвала
Александром. Утверждает, что первое время получала от
него письма и даже одну карточку, которую по её указа-
нию директор музея КРИН нашел спрятанную на крыше доми-
ка в Курейке. А когда прошел слух, что СТАЛИН убит на
фронте её посватал ДАВЫДОВ Яков Семенович и она вышла
за него замуж. И только через 4 года, когда ей показа-
ли один из портретов СТАЛИНА в газете, она узнала в нем
отца своего сына, но так как она была замужем теперь за
другим то не сочла нужным напоминать ему о себе и своем
и его сыне. По моей просьбе Лидия Платоновна передала
мне карточку своего сына Александра, которую я и пере-
даю Вам с этим письмом.

ДИРЕКТОР БЕРЕЗОВСКОГО
КАРЬЕРОУПРАВЛЕНИЯ

/ СИРОТЕНКО /

"4" мая 1956 года.

3

ДОКЛАД СЕКРЕТАРЮ ЦК «ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ НА СВЕТ СЫНА СТАЛИНА»

почти десять лет хранил у себя фотографию
внебрачного сына Сталина, что само по себе
было достаточно опасно...

ОБЕЩАЛ ЖЕНИТЬСЯ И НЕ ЖЕНИЛСЯ

На самом деле в высших органах партий-
ной власти – Политбюро и Президиуме ЦК
КПСС ничего не делалось «просто так». Для начала давайте задумаемся об исто-
рии 1946–1947 годов, когда 67-летнему

Сталину вдруг захотелось получить
информацию о своих родственниках. Исполнителю сталинского поручения,
инструктору отдела пропаганды и агита-
ции Красноярского крайкома КПСС
Сиротенко пришлось четыре месяца путе-
шествовать по заснеженным сибирским
просторам. Напомним, что это были пер-
вые послевоенные годы, когда в стране
был голод и каждая копейка, каждый литр
горючего были на особом счету. Но
инструктору, выполнявшему поручение
вождя, были выделены все средства – от

самолётов полярной авиации (из
Красноярска на северные территории
можно было оперативно добраться только
авиатранспортом) до вездеходов и соба-
чьих упряжек.

Курейка, Ангутиха и другие посёлки в
относительной близости от Туруханска
традиционно были местами ссылки – как
до Сталина, так и после. Среди их основа-
телей можно встретить знакомые нам
фамилии Давыдов и Тарасеев. А в 1947
году в «сталинских местах» жили выслан-
ные «буржуазные националисты». Правда,
докладывать об этом Сталину не стали. Но
в письме секретарю ЦК КПСС Аристову
бывший инструктор крайкома Сиротенко
всё же упомянул рассказ местного жителя
о том, какой была жизнь в Курейке во вре-
мя его поездки: «Этот же ТАРАСЕЕВ обра-
тил моё внимание, что они, старожилы,
как мыкали горе при царизме, так мыкают
его и теперь. В самом деле все они жили в
развалившихся лачугах, испытывая неве-
роятную нужду, тогда как спецконтингент
(имеются в виду ссыльные и высланные. –
Авт.) латыши и эстонцы, семьи фашистов,
состоя в колхозе, получают ссуды, строят
дома, и всё под предлогом того, что колхоз
Курейки, где жил СТАЛИН, должен выгля-
деть зажиточным».

Скорее всего, затраченные на четырёх-
месячную командировку средства матери-
ализовались в краткую справку для
Сталина. Содержание её нам неизвестно,
но из письма секретаря ЦК Аристова
Хрущёву можно понять, что никакие дета-
ли относительно отношений Сталина с
Лидией Перепрыгиной и мнение о нём
покойного тов. Иванова вождю не сооб-
щались. Было задание найти «носителей
фамилий» – нашли, живут там-то и там-
то. Инициатива в те времена была наказу-
емой. А подробности оставили в памяти
«на всякий случай».

А случай выпал на весну 1956 года, ког-
да после XX съезда КПСС в стране нача-
лась кампания по разоблачению культа
личности Сталина. Для чего нужно было
выяснить подробности сорокалетней дав-
ности о жите-бытье и сексуальных уте-
хах молодого, 36-летнего Иосифа
Джугашвили в сибирской ссылке? Ответ
тут, скорее всего, кроется в намерении
Хрущёва собрать как можно больший объ-
ём компромата на Сталина, чтобы в случае
необходимости выбросить его в информа-
ционное пространство. А компромат, судя
по имеющимся документальным источни-
кам, подбирался вполне основательный.
Сталина можно было обвинить сразу в
нескольких грехах.

Первое – это, конечно, сожителство с
несовершеннолетней. И сюжет о том, что
знавший Сталина во время ссылки Пётр
Иванов был возмущён этим фактом, а
брат Лидии Перепрыгиной Ион пожало-
вался на него жандарму Лалетину, вполне
укладывался в схему компромата.

Второй сюжет, который в основном мог
повлиять на мнение женщин о Сталине –
тот факт, что он официально обещал
жениться и не женился. Из Курейки он
уехал в самом конце 1916 года, когда его
сожительнице уже исполнилось 16 лет
(брачный возраст для женщин в России с
1830 года).

Третье прегрешение – это то, что он,
зная о появлении у него ребёнка (об этом
упоминала старшая сестра Надежды
Аллилуевой, второй жены Сталина), не
только не помогал ему и матери, но до 1946
года почти не интересовался его судьбой.

Из всего этого при помощи отлаженной
системы советской пропаганды можно
было составить достаточно яркий мораль-
но-нравственный «коктейль», демонстри-
ровавший отрицательные особенности
личности товарища Сталина. Но к июлю
1956 года от этой идеи, похоже, было реше-
но отказаться. Во всяком случае, на письме
секретаря ЦК КПСС Аристова Хрущёву
есть пометка красным карандашом: «В
архив. В. Чернуха. 2.VII.56». А через пару
недель был отправлен в архив (за подписью
Молотова) и упоминавшийся нами «доклад
Серова».

Можно предположить, что к середине
лета 1956 года у Президиума ЦК КПСС
было уже вполне достаточно материалов,
чтобы в случае необходимости продолжать
критику культа личности Сталина и самого
Сталина в том числе. А сына генералисси-
муса никто не боялся. Шансов на то, что он
будет признан законным, не было никаких,
сам Александр Давыдов от политической
жизни был далёк, его мать никаких претен-
зий не предъявляла. Тем, кто интересуется
дальнейшей судьбой сына Сталина
Александра Давыдова, а также внуков и
правнуков вождя по этой линии, можно
поизучать отечественную прессу послед-
них лет – там есть и интервью с внуком, и
другие сведения из семейной истории.

Мы же ограничились исключительно
документальными источниками, которые,
как нам представляется, рисуют достаточ-
но близкую к истинному положению дел
картину. Но на самом деле картина эта не
полная. Пока ещё недоступны материалы
расследования КГБ СССР, предпринятого
в Красноярском крае в апреле – мае 1956
года (о нём вскользь упоминает Иван
Серов), нет информации об обсуждении
этого вопроса членами Президиума ЦК
КПСС, отсутствуют полные биографиче-
ские данные всех упоминавшихся в пись-
мах Аристова, Серова и Сиротенко граж-
дан. Так что простор для исследований у
историков ещё имеется...

Редакция благодарит сотрудников
Российского государственного архива
социально-политической истории за
помощь в подготовке материала и предо-
ставленные иллюстрации.

«МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ» – ДОМИК СТАЛИНА В КУРЕЙКЕ. В 1949 ГОДУ БЫЛ ПОМЕЩЁН ВНУТРЬ ПАНТЕОНА

Фурцева ДОЧЬ ФУРЦЕВОЙ

Ирина МАСТЫКИНА

Специально для «Совершенно секретно»

Фрагмент беседы обозревателя «Совершенно секретно» Ирины МАСТЫКИНОЙ с дочерью Фурцевой — Светланой. 1998 г.

Светлана Петровна, о деятельности вашей мамы на посту министра культуры мы слышаны. А как складывалась жизнь Екатерины Алексеевны сразу после ее переезда из Вышнего Волочка в Ленинград и Москву?

— В Вышнем Волочке моя мама, как и моя бабушка, работала на ткацкой фабрике. Но ее тянуло учиться дальше, и она решает уехать, начать самостоятельную жизнь — сначала в Ленинграде, потом в Москве. В Москве мама поступает в Институт тонкой химической технологии. Тогда ей было уже за двадцать, и пришлось нагонять всю разницу в образовании. Но человек она была способный. И когда институт окончила, ее оставили в аспирантуре. В конце тридцатых годов мама — аспирантка и одновременно секретарь партийной организации института. Вот почему потом она становится секретарем Фрунзенского райкома партии — это одна и та же организация.

А до Москвы мама училась в Ленинграде в Институте инженеров гражданского воздушного флота. Так получилось, что ее путь в Ленинград лежал через Феодосию, где в то время проходили знаменитые соревнования планерного спорта. Мама увлеклась самолетами, тогда это было модно, и поступила в связанный с ними институт. А в тридцатом году встретила там с моим будущим отцом — Петром Ивановичем Битковым. Оба — студенты, жили трудно. Но, несмотря на это, были счастливы. Одна ленинградская мамин подруга при встрече со мной всегда вспоминала «Катин серебристый смех». Одиннадцать лет прожили мои родители вместе: сначала в Ленинграде, потом в Москве. Все это время мама очень хотела родить, но не получалось.

И вот наконец перед самой войной, на тридцать втором году жизни, она забеременела. Отец был профессиональный военный, в первые же дни войны ушел на фронт. Мама осталась одна, время, сами понимаете, какое было, и она не решилась родить. Написала бабушке, которая осталась в Вышнем Волочке и всегда имела в семье право решающего голоса. Она и сказала маме: «Ну как это так! Столько лет ждали. Что уж, одного ребенка не воспитаем?» И приехала в Москву. Так с нами до конца своих дней и осталась.

В это время началась эвакуация, и беременная мама с бабушкой уезжают в Куйбышев. Там я и родилась. Через четыре месяца мы возвращаемся в Москву, в свою коммунальную квартиру на Красносельской. А вскоре в командировку с фронта приезжает отец и со всей прямотой заявляет маме, что встретил другую женщину, которую полюбил. Он был красив и всегда пользовался женским вниманием... Гордая мама забирает меня, бабушку и уходит. Можно сказать, в никуда. Однако она в это время — секретарь Фрунзенского райкома партии. И ей дают маленькую — двадцать восемь метров — квартиру недалеко от этого райкома, в том доме, где сейчас АПН. Мама продолжает работать, а со мной сидит бабушка. И так в течение долгих лет.

— А отец вам никак не помогал?

— Во-первых, он до конца войны был на фронте. Во-вторых, мама всегда была гордой. Но, мне кажется, в течение всей жизни у них сохранились хорошие отношения. Отец

ЕКАТЕРИНА ФУРЦЕВА С МУЖЕМ ПЕТРОМ БИТКОВЫМ И ДОЧКОЙ СВЕТЛАННОЙ

изредка меня навещал. А когда я стала уже взрослой и имела дочь, он приходил познакомиться и со своей внучкой. Помню, тогда он вдруг сказал мне, что всегда любил только Катю, а мы маму уже год как похоронили. Отец пережил ее совсем ненадолго. Пришел домой — инсульт. Похоронила его третья жена...

— Третья? До вашей мамы отец уже был женат?

— Да, и от этого брака у него в Ленинграде росла дочка. У нас с ней лет пятнадцать разницы в возрасте. Я о ней практически ничего не знаю. Мне только бабушка в детстве рассказывала, что отец той дочке из Германии пианино привез... Она у нас была очень ревнивая и часто упрекала отца в том, что ребенок растет, а он даже конфетки не привезет.

— Ваши родители были расписаны?

— Нет. В те годы это не считалось обязательным. Я знаю только, что они расстались сразу после того, как я родилась. Так мама дала мне свою фамилию. Но отсутствие отца в детстве я не чувствовала. Мы жили вместе с семьей маминного брата. Я его так и называла: папа Сережа. А главное, с нами жила бабушка Матрена Николаевна — человек сильный, крепкий. С тех пор как она в двадцать шесть лет осталась вдовой с двумя детьми на руках, надеялась в жизни только на себя.

— А другую бабушку, по отцовской линии, вы помните?

— Да, она приезжала к нам, но не очень часто. Как и отец, она была донская казачка. Отец и меня иногда так называл. Наверное, генетически что-то казацкое во мне действительно есть, хотя росла я с бабушкой и мамой, поэтому прежде всего, думаю, все переняла именно от них.

— А кто вас больше воспитывал: мама или бабушка?

— Бабушка, конечно. Хотя общее руководство было за мамой. И чем старше я становилась, тем мама активнее присутствовала в моей жизни. Несмотря на невероятную занятость, занималась моим образованием. А в детстве я была, что называется, бабушкиной внучкой. Она меня разве что грудью не кормила, как порой любила повторять. Сама бабушка, как и все крестьянки того времени, была необразованной, расписываться не умела. Но при всем этом имела гениальную мудрость, видела всех насквозь и многое понимала интуитивно. Ну как можно было в те годы, например, знать, что ребенку нужно заниматься музыкой, языком? А она знала и

находила для меня хороших преподавателей.

А что касается наказаний, если у меня в школе обычной или музыкальной было что-то не так, меня на улице не пускали, не давали мороженого, два раза за то, что я не послушалась, бабушка даже прошлась по мне белевой веревкой. В общем, держала ребенка в строгости. Мне не прощала ничего. Наказывала именно по больным местам, которые очень хорошо знала. Однажды, как мне теперь кажется, в качестве наказания за что-то, отправила в «Артек». Я всегда была домашним ребенком, а там муштра, военная дисциплина. И никакого удовольствия от отдыха на море я не получила... Только когда у меня самой появилась дочка, бабушка стала чуть-чуть потеплее, оттаяла.

— Говорят, ваша бабушка была деспотом и по отношению к вашей маме.

— Это восприятие со стороны, чужих людей. На самом деле бабушка была очень добрым человеком. Строгость проявляла только ко мне. А с мамой у нее сложились совсем другие отношения. Очень многое в маме именно от бабушки. Сильный характер, даже я бы сказала — мощь какая-то, абсолютно не женская четкость мысли и способность принимать решения. И вместе с тем домовитость и исключительная женственность.

— В двенадцать лет вы впервые побывали с мамой за границей, в Англии, а после школы поступили в МГИМО. Это было вашим решением или институт вам выбрала мама?

— Нет-нет, так решила я. Мама очень хотела, чтобы я пошла в институт, который она сама окончила, — тонкой химической технологии, и даже несколько раз водила меня к своему любимому профессору. Но с химией я любила. Конечно, я знала, что в этот институт просто так поступить нереально, поэтому занималась с очень хорошими педагогами. Казалось бы, возьми да набери мама номер телефона ректора. Ей бы не отказали. Но у нас даже разговоров на эту тему не возникало. Я могла попросить у мамы, например, что-то купить, но чтобы помочь в поступлении... У нас это было не принято.

— Странно, по рассказам многих, мама вас так любила, что ни в чем не отказывала...

— Да, любила, но грамотно. И никогда

меня не жалела. Это случилось лишь однажды, когда я уже выучилась и работала в АПН. С телегруппой из ФРГ я должна была зимой ехать на съемки в Якутск, где температура опустилась до пятидесяти градусов. И мама испугалась. Уговаривала взять бюллетень. Но я отказалась и все-таки полетела.

— Светлана Петровна, а что изменилось в вашей жизни после того, как Екатерина Алексеевна стала членом Политбюро?

— Ну, мне тогда было только четырнадцать лет. И жизнь семей членов Политбюро в те годы не имела той необходимой атрибутики, что десятилетиями позже: иномарок, драгоценностей, шуб... Первое, что поменялось, — это дача. Появился отдельный дом, за отдельным забором. Совершенно новый для моего глаза стиль: конюшня, баня, теплица, катера и даже открытая машина.

Ну и, во-вторых, появилась возможность посмотреть самые недоступные иностранные фильмы дома, достать билеты в любой театр, отдохнуть летом на море и купить в спецмагазинах книги или одежду... Но мама была действительно очень скромным, материальным человеком и, работая с утра до ночи, практически никакими особыми благами не пользовалась. Одевалась она всегда элегантно. Руками могла сделать фантастические вещи. Шила, вязала сама. Изменения в ее одежде произошли скорее благодаря Фирюбину. Когда он стал послом в Югославии, часто привозил маме красивые вещи. Ну, еще появились какие-то закрытые ателье, и возможности хорошо одеваться расширились.

— А что касается заграничных поездок?

— С ними тоже стало проще. Впервые за границу я выехала в двенадцать лет. Тогда Фирюбин был послом в Чехословакии и пригласил меня в Прагу на зимние каникулы. А потом меня стала брать с собой мама. Она была уверена в необходимости новых впечатлений. И в те годы, когда любые поездки за рубеж выделялись в виде поощрений и для многих были мечтой, мама все сделала для того, чтобы я смогла увидеть мир. Так к двадцати годам я уже побывала во многих странах Европы и Азии.

— Первая ваша поездка в институте была в Индию. С нее, насколько я знаю, опосредованно и началось ваше знакомство с будущим мужем.

— Там вместе с нами был тоже член ЦК Фрол Романович Козлов с супругой. Наверное, я ей понравилась, и она захотела познакомить меня со своим сыном Олегом. В Москве несколько раз звонила, куда-то приглашала. Но я, если честно, пыталась все это как-то отодвинуть. У меня была своя компания в институте, и новых знакомых не сильно хотелось. Но Александра Константиновна слыла большой театралкой и выбрала какой-то хит в Театре сатиры, от которого мне было трудно отказаться. Заказала билеты, и мы с Олегом встретились. Он мне сразу понравился: высокий, с большими зелеными глазами, с красивыми волосами, хорошими манерами. Учился в Институте стали и сплавов, был старше меня на четыре года, много и интересно рассказывал о Ленинграде, который любил и знал. И вот вместо театра мы пошли в ресторан «Пекин». С этого все и началось.

— Через сколько времени вы поженились?

— Познакомились мы в конце марта, через месяц подали заявление. Его не брали, потому что мне не исполнилось еще восемнадцати лет, я родилась в мае. Но Олег все-таки этого добился. Родители наши долго об этом не знали. Но недели за две до регистрации я не выдержала и сказала маме. Она была в шоке, потому что видела, как я хотела учиться в институте, и вдруг — замужество. Попыталась меня отговорить — все-таки первый курс, к тому же мы с Олегом были еще

мало знакомы. Говорила всякие разумные вещи, но в тот момент я была увлечена и не сдавалась.

– Где сыграли свадьбу?

– У Козловых на даче. Приехали Хрущев, Брежнев с женами и детьми. Поэтому свадьба была как бы не моя. Пили в основном за Хрущева, иногда за новобрачных, и ничего примечательного для меня там не было. Но все выглядело очень красиво. Столы накрыли в саду под белыми цветущими вишнями. Мне сшили прелестное платье... Медовый месяц провели в Магнитогорске, куда Олега направили на практику. Потом жили в особняке Козловых на Ленгорах – небольшом двухэтажном доме с довольно скромной обстановкой, казенной, с инвентарными номерами...

– А когда родилась дочка?

– Мне не было еще и двадцати. Когда я только забеременела, сразу пошла к маме. Мы с ней долго обсуждали эту тему, потому что к тому времени я не совсем верила в стабильность своего брака. У нас с Олегом разница была не только в возрасте. Что-то еще нас разделяло... Однако мама была категорически против аборта. И я решила рожать. Рожала трудно, но ребенок родился, как мне сказали, в рубашке – в смазке. Я весила тогда сорок шесть килограммов, а Маришка почти пять.

В связи с родами и нездоровьем я запустила зимнюю сессию, и возвращаться в институт было уже тяжело. К тому же я тогда вся погрузилась в ребенка, и все остальное для меня отодвинулось на задний план. Я перешла в МГУ, на журфак. Сдала всю разницу в двадцать экзаменов и была зачислена на редакторское отделение.

– А чем занимались после журфака?

– Я услышала, что в АПН есть редакция теленовостей, которая работала в основном с иностранными телекомпаниями, и поняла, что туда-то мне и надо. Тогда я попросила маму помочь мне, и меня взяли редактором. В АПН я проработала три года, причем в последний год восемь месяцев провела в командировках. Очень тяжелый был период. Осложнились отношения с мужем, мои командировки тоже этому способствовали.

– В это время вы и встретились со своим вторым мужем – Игорем?

– Да. И это была большая любовь. Он был женат, растил дочь, и наши отношения складывались непросто. В это время мама настояла на том, чтобы я пошла в аспирантуру МГУ, и я стала аспиранткой. После защиты диссертации мне предстояла стажировка в Америке, но я туда, слава Богу, не поехала – не хотела расставаться со своим будущим мужем. Мы с ним часто виделись, но жил он тогда со своей семьей. Ему было трудно развестись из-за дочери. Да и работал он в такой организации, где развод был равносителен краху карьеры.

А я развелась. Мама это очень тяжело переживала и даже однажды сказала об Игоре: «Или я, или он». Можете представить мое состояние? Наверное, если бы у нас с Олегом было все в порядке, ничего подобного и не случилось бы. Но... разводу предшествовал период выяснения отношений с мужем, потом он ушел. И мы в квартире на Кутузовском, в которую переселились после рождения дочери, остались с няней Клавой. Она жила у нас почти с рождения Маришки и до сегодняшнего дня остается моей самой лучшей подругой.

Маришке тогда только исполнилось пять лет, и мама, конечно, была против развода. После ухода от нее в сорок втором отца она десять лет оставалась одинокой. И знала, что это такое. Но я, как всегда, шла своим путем и маму не послушалась... В общем, много переживаний было тогда. Скрасить тот тяжелый период жизни мне помогла мамина подруга Надя Леже – женщина теплая, простая. Буквально на следующий день после развода она мне сказала: «Все! Прекращаем слезы, все переживания. Покупаем туфли вот на таких каблучках и едем ко мне – заниматься живописью». Надя мне тогда очень помогла: постоянно меня куда-то водила, с кем-то знакомила...

– Так прошли три года. Игорь Васильевич наконец решил на развод?

– Да, мы поженились, и он переехал к нам. Постепенно привык к Маришке и даже ее удочерил. И воспитал ее, и образовал, занимался ею каждый день.

– Марина называла Игоря Васильевича папой?

– Нет, по-другому. У Игоря, к сожалению, были проблемы со здоровьем, он часто лежал в больницах. И вот однажды, когда он в очередной раз попал в ЦИТО, дочка придумала про него целую историю, с картинками, в которой почему-то назвала его «Трясогустав», потом сократив до «Трястик». Вот так в результате и стала называть Игоря. Ну, маленькая еще совсем была девочка...

– Скоро уже тринадцать лет, как Игоря Васильевича нет в живых...

– Да... Но за все годы, что мы были вместе, он успел дать нам с Мариной так много, что мы не забываем его никогда. Когда его не стало, а это случилось внезапно – он вернулся из леса и, не дойдя до дома, умер, я почувствовала отчаянную усталость и пустоту.

– Где вы тогда работали?

– После защиты диссертации я пришла в Институт истории искусств, в сектор массовой коммуникации. Проработала там четырнадцать лет. Два дня в неделю мы должны были присутствовать на работе, а остальные – занимались наукой дома. Но после смерти мужа сидеть дома мне стало тяжело, и я решила перейти на должность заместителя директора во ВНИИ повышения квалификации работников культуры. Занималась административной работой.

– Я знаю, Марина окончила балетное училище...

– Мы отдали ее туда в пять лет. Посовещались с мамой и решили, что балет как нельзя лучше подходит Марине. У нее были неплохие данные: пластика, музыкальность... Однако после десяти лет постоянных диет и голодовок открывшаяся язва желудка заставила ее изменить профессию. Марина поступила в ГИТИС на театроведческий факультет и после его окончания устроилась в литчасть Большого театра. Была просто счастлива: те же ребята, с кем училась, та же сцена. Уже работая в театре, она вышла замуж за юриста. Они давно знали друг друга – мы дружили семьями, – но, к сожалению, через год расстались. Маришке было всего восемнадцать, ему – двадцать восемь... Через несколько лет дочь познакомилась с человеком более практичной профессии – стоматологом. (Игорем Владковским, задержанным в

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА С.П. ФУРЦЕВОЙ

91-м году на таможне за незаконную попытку вывезти за границу произведения искусства. – И. М.) Вышла за него замуж, родила в двадцать пять и распрощалась со своей литчастью уже навсегда.

– Ваш муж умер очень рано. За те тринадцать лет, что его нет, вы больше не выходили замуж?

– Нет, замужем я не была. У меня есть какие-то обязанности перед семьей. Я очень люблю Катерину, моя любовь к ней совершенно невероятная. В этом мы с мамой одинаковые. Она мне часто повторяла: «Если бы

не было тебя с Маришкой, мне не для чего было бы жить».

– Помощницы Екатерины Алексеевны рассказывали мне, что министр культуры СССР много занималась самообразованием и никогда без книг и газет с работы не уходила.

– Мама всю жизнь делала себя сама, иначе и не стала бы тем, кем стала. Ей было мало двух технических образований, она захотела получить еще гуманитарное и пошла в Высшую партийную школу.

– Может быть, именно честолюбие и мешало ей в отношениях с мужчинами? Женщиной она ведь была привлекательной, и в то же время десять лет одиночества.

– Знаете, просто тогда было такое время. К тому же мама всегда выглядела чуточку недоступной для мужчин – она находилась выше их обычного представления о женщине-жене... Но не думаю, что ее не интересовало женское счастье...

– Чем же Екатерину Алексеевну пленил Фирюбин, за которого она в пятьдесят четвертом году, уже будучи членом Политбюро, вышла замуж?

– В нашем доме не было принято обсуждать с детьми дела взрослых, поэтому я могу высказать только свои предположения. Мужчиной Николай Павлович был интересным, и то, что мама им увлеклась, вполне естественно. А вот бабушке он не нравился. Она и меня настраивала против. Дело в том, что Фирюбин, еще будучи секретарем горкома, до нас тоже жил на госдаче в Ильичеве, и о его семье ходили разные слухи. Говорили, что однажды его сын с кем-то поссорился, взял ухват и товарища им приложил. Да и сам Николай Павлович слыл капризным и избалованным мужчиной. Когда они с мамой познакомились, он работал в Моссовете заместителем мэра и значимость свою сознавал. В общем, бабушке пришлось ломать что-то внутри себя, принимая Фирюбина в дом. У меня с ним тоже были сложные отношения...

– А Екатерина Алексеевна, говорили, всегда считала его детей своими...

– Нет, это не так. Но помогла им – да. Понимаете, мама ко всем относилась доброжелательно. Наша Катерина теперь очень похожа на свою прабабушку. Вот она человека видит и уже его любит. Я никогда от нее не слышала ни одного обидного слова о других. Такой же была и мама. Я не помню случая, чтобы она, возвращаясь из зарубежных командировок, привозила что-то себе. И никогда не забывала детей Николая Павловича – Риту и Николая.

Я же с ними мало общалась. Слышала только, что Николай был переводчиком в Швейцарии, потом, кажется, там и остался. А вот Рита... Она никогда не чуждалась мирских удовольствий. Работала корреспондентом на радио, хотя и окончила МАИ или МЭИ, но эта профессия ее не увлекала. Она была очень активной женщиной, постоянно искала себе пьедестал...

– Скажите, когда Екатерина Алексеевна решила связать жизнь с Фирюбиным, он был уже в разводе или развелся ради вашей мамы?

– Думаю, что причиной развода Николая Павловича послужила любовь к моей маме. Он вообще был человек увлекающийся, но, на мой взгляд, никогда ничем не умел дорожить.

– Слышала, что поначалу у них были замечательные отношения, но потом они разладились.

– Да, действительно, их последние годы были сложными. Вероятно, тогда что-то произошло, и это мешало взаимопониманию. Прежде всего потому, что Фирюбин очень плохо старился. Разницы в возрасте у них практически не было, но Николай Павлович, в отличие от мамы, чувствовал свои годы. Постоянно старался подчеркнуть свою значимость и часто не совсем деликатно любил повторять: «Плохо быть дедушкой, но еще хуже быть мужем бабушки». Признаться, мне трудно быть к нему объективной. Но женско-

го счастья он маме не дал. Другое дело, что она всегда довольствовалась тем, что имела. Оптимисткой была! Всему отдавалась без остатка. И очень любила жизнь.

– Откуда же тогда эти попытки покончить жизнь самоубийством? Последняя из двух закончилась трагически. Все до сих пор убеждены, что ваша мама свела счеты с жизнью с помощью цианистого калия.

– У меня есть официальное свидетельство врачей, где сказано, что смерть была вызвана сердечной недостаточностью. Этот вопрос со мной обсуждать сложно... Я знаю то, что знают и все остальные. Конечно, можно выстраивать различные версии, особенно по аналогии с шестьдесят первым годом. (Тогда Хрущев вывел Фурцеву из Политбюро, и она пыталась покончить жизнь самоубийством, вскрыв себе вены. К счастью, эта попытка не была смертельно опасной. Фурцеву спасли. В той же больнице на Грановского ей помогли справиться и с сильным нервным стрессом. – И. М.) Мы с мамой никогда не касались этой темы, но я уверена, что причиной расстаться в шестьдесят первом с жизнью было не честолюбие, как некоторые сейчас представляют, а глубокая обида от предательства человека, которому она верила... Но в семьдесят четвертом году, осенью, пик переживаний в маминой жизни уже прошел. Я, конечно, могу иметь свое мнение на этот счет. Но никакой достоверной и серьезной информацией об отравлении на сегодняшний день не располагаю.

– Памятником маме занимались вы?

– Конечно. Фирюбин уже на вторую неделю после смерти мамы снова женился и все связанное с ней сразу же от себя отстранил. Хотя и прожил с мамой целых двадцать лет. Я уж не говорю о материальной стороне, но он имел больше возможностей достать белый мрамор, из которого я задумала сделать надгробие. Мне же это стоило такого труда! Хорошо, Кербель помог. И белый мрамор достал, и горельеф сделал... Если что еще надо было, он брал телефонную трубку, представлялся: «Академик Кербель говорит!» – и все сразу было сделано. Я к нему до сих пор питаю самые теплые чувства.

– Ближайшая подруга Екатерины Алексеевны Надя Леже тоже делала для вашей мамы памятник?

– Это не совсем так. Вы, очевидно, имеете в виду две мозаики – портреты мамы работы Нади Леже. Но обе они были сделаны еще при жизни мамы и никакого отношения к памятнику не имеют.

– После истории с дачей, которая, по слухам, была построена по вашему настоянию буквально накануне смерти Екатерины Алексеевны, ей вернули те двадцать пять тысяч, что она заплатила за строительство. Как она ими распорядилась?

– Эти деньги мы собирали все вместе. Мой муж получил гонорар за свой сценарий и переводы, я – за свою книгу. Мы продали машину. То есть эти двадцать пять тысяч у нас были. Разве мы не имели права на собственную дачу? Думаю, да. Но мама была совершенно другим человеком. Для нее очень важно было общественное мнение.

Когда начался весь этот бум – мол, залезли в карман государству, она попросила только об одном: дайте возможность создать комиссию и объяснить, кто виноват – строители или заказчик. Комиссию, конечно, не создали, потому что Кириленко важен был сам прецедент. Маме объявили выговор, а дачу – совершенно незаконно – постановили отобрать. И вот когда деньги нам вернули, мы положили их на сберкнижку. Мама сразу же сделала завещание. Хотела быть спокойной за то, что, когда ее не будет, эти деньги достанутся нам. В последние годы она знала, что после ее смерти в квартире на Алексея Толстого, где они жили с Фирюбиным, я не войду. Так оно и случилось.

Не знаю, может быть, я и хотела бы выкупить нашу дачу и по закону имела право это сделать. Ведь каждая мелочь там для нас с мужем была с чем-то связана. Однако после всего пережитого для меня это так непросто...

Наверное, будь Екатерина Алексеевна жива, она полностью согласилась бы с дочерью. Слишком многого стоил ей этот небольшой загородный домик, в котором вопреки молве ничего роскошного-то и не было. Унизительные вызовы на ковер, предложение сдать партийный билет, злобные выпады коллег... Начало краха ее карьеры... И – конец жизни. ■

ШИПЫ И РОЗЫ

О ее смерти многие узнали из вечернего выпуска новостей. «И если бы это сообщение не прозвучало в эфире, – говорит лучшая подруга Брежневой Мила Москалева, Галю так бы и похоронили как нищую без рода, без племени»

ГАЛИНА БРЕЖНЕВА В ЮНОСТИ ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЛА ВИВЬЕН ЛИ, ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦУ ГЛАВНОЙ РОЛИ В ФИЛЬМЕ «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»

Лариса КИСЛИНСКАЯ

Специально для «Совершенно секретно»

Последние годы своей жизни Галина Леонидовна провела в подмосковной спецлечебнице – бывшей клинике КГБ для «злоупотребляющего» начальства.

Конечно, воспоминания Москалевой очень эмоциональны: они дружили почти сорок лет. Ее рассказ о семье Леонида Брежнева, в которую она была вхожа и где ее любили, как дочь, нельзя считать абсолютно беспристрастным. Но он дает возможность по-новому посмотреть на тех, кто когда-то управлял нашей страной. Есть возможность и сравнить быт власти минувшей и нынешней.

Генсек с семьей жил на казенной даче, откуда после его смерти вдову, Викторию Петровну, слепую, большую диабетом, попросту изгнали. Семья нашего президента благо-разумно прикупает собственность за рубе-жом. В последние годы своей жизни Леонид Ильич был предметом неиссякаемых острот и анекдотов. Но, по свидетельству Москалевой, Леонид Ильич лихо водил машину.

Виктория Петровна последние годы сильно болела, и у генсека случались любовные связи на стороне. Но за ними стояли любовь, страсть, симпатия. У нынешних в почете груп-повуха в бане.

Галина Леонидовна любила бриллианты и мужчин, но никогда не вмешивалась в дела отца, а он пытался до последних дней своей жизни опекать свою взбалмошную, но добрую дочь.

Итак, рассказ Милы МОСКАЛЕВОЙ.

ПОДРУГИ

«Мы подружились с Галиной в 1957 году, в цирке. Я была акробаткой на батуте, а Галина, как жена циркового артиста Милаева, ездила с нами, при этом работала костюмершей. Галю очень любила мою маленькую дочь, а я, буду-чи младше Гали на десять лет, видела в ней старшую подругу, а это так важно, когда ни отца, ни матери, а только гастроль, гастроль...»

Тогда же я познакомилась с ее родителями. Помню Леонида Ильича – молодого, красивого, доброго, сердечного человека. Как он пере-живал, когда уходили его фронтовые товари-щи. «Мила, я устал хоронить своих друзей», – сказал мне как-то. Переживал, когда не мог проводить их в последний путь. Умер его одно-полчанин Грушевой – он с ним дошел до Берлина, – а тут у самого сердечный приступ, и врачи запретили идти на похороны. Это его очень удручало.

Помню, в день своего тридцатилетия, 8 марта, я пришла в гости к Гале. Навстречу Леонид Ильич с охавкой гвоздик: «Это вам, Мила, с днем рождения». А на глазах слезы. Спросила, почему такой грустный. Он отве-тил: сегодня на китайской границе погибло много наших мальчиков. Он оплакивал их, как отец детей. (Речь идет о событиях на Даманском. – Л.К.) Неприятно было потом читать о Брежневе всякие гадости.

Гадости писали и о моей подруге. А она была настоящая труженица. Когда она выхо-дила замуж за Милаева, в ту пору руководи-теля белорусского коллектива Союзгосцирка, тот был вдовцом с двумя близнецами – жена умерла при родах. Поэтому Галю, кроме общей с ним дочери Викторией, растила еще двоих детей – Сашу и Наташу. Вот она и работала костюмершей, стирала, готовила для всех. Как она готовила! Если Галю варила борщ, то все, забыв о цирковой диете, просили добавку.

Как и Леонид Ильич, Галю очень люби-ла друзей и всем помогала: Илье Глазунову, Юрию Любимову, Юрию Сенкевичу, Косте Тимошенко, Сергею Буденному, Олегу Попову. Артисты цирка ее вообще обожали – она помогала им всегда. Зная цирковую жизнь не понаслышке, она потом убедила свою подругу Екатерину Фурцеву, что акробаты – это основа цирка, его суть. Только после этого нам, акро-батам, стали давать звания. Артисты обраца-лись к ней с любой просьбой, будь то квартир-ный вопрос или лекарства достать, путевки.

У нее был роман с журналистом Александром Авдеевко, за которого она даже собиралась замуж. Так вот, помню, Галю гово-рила ему: «Саша, я помогу тебе, но ты должен вступить в партию. Ты очень талантливый человек, но так просто в жизни ты не про-бьешься». Сама же была беспартийной – отец считал, что для партии она не созрела.

Да что там друзья, любимые мужчины! Она помогала даже дворникам в своем доме. А ког-да отец умер, люди, которые ее совсем не зна-ли или однажды встречались где-нибудь в ресторане, разразились в газетах такими пакостными небылицами. Это грешно. Я и Рою Медведеву, когда встретила его в ЦДЛ, сказала: «Вы просто убили мою подругу своей статьей о том, как она возила из-за границы бриллианты. Она же помогала и вам, и вашему брату. Зачем вы ее уничтожаете: она же не политик, она просто женщина».

ФОКУС С КИО

Галина Леонидовна любила богемную жизнь и представителей богемы. Дочь крупного пар-тийного функционера вышла замуж за акро-бата Милаева, которого, как считает Мила, любила всю жизнь. «Унесенные ветром» – книга, которую она читала перед смертью в своей спецлечебнице, стала для нее не просто романом с символическим названием. Совсем непохожая по стойкости характера и стремле-нию к выживанию на героиню – Скарлетт О'Хара, Галина Леонидовна проводила парал-лели между главной любовью этой женщины – Ретом Батлером и своим первым мужем. Герои Маргарет Митчелл потеряли маленькую дочь. Дочь Брежневой и Милаева жива-здоровая до сих пор, но, видимо, ее она тоже потеряла... И дети Милаева предали мачеху...

Десятилетний брак Брежневой и Милаева разбила ревность. «У нас в цирке, – рассказы-вает Москалева, – была красавица – Тамара Соболевская, она работала па-де-де на лоша-дях. Галю ее приревновала, и не без оснований: о романе Тамары и Милаева судачила вся труппа. Тогда моя подруга решила отомстить».

Месья Брежневой была своеобразной. В Японии на гастролях она, женщина тридцати одного года, знакомится с восемнадцатилет-ним Игорем Кио. У них случился бурный, страстный роман. Юность героя по-своему тоже стала месьей мужу, которому уже пере-валило за пятьдесят. Но Галина не ограничи-лась просто романом.

Вернувшись из Японии, влюбленные отпра-вляються в Сочи. Там, как рассказывает

Мила, некий Фраткис, представлявшийся референтом Брежнева, мгновенно оформил его дочери развод, и в паспорте Галины поя-вился штамп о новом браке – с Игорем Кио. Когда Леонид Ильич узнал об этом, он тут же отправил в Сочи свой самолет, и на третий день супружеской жизни с юным Игорем Галина оказалась дома. Брак был аннулирован. Фраткис позже получил по заслугам. Леонид Ильич перестал пускать в дом всех свидетелей сочинской авантюры. Мила и ее муж-акробат на опереточном бракосочетании не прису-ствовали и отцовского гнева избежали.

После развода Милаев так и не женился. Попытка примирения с бывшей супругой тоже не удалась: никто не хотел уступать.

Галина пыталась найти свое счастье. Во время гастролей цирка во Франции она позна-комилась с журналистом газеты «Советская культура» (позже зав. корпунктом ТАСС в Париже) Олегом Широковым. Друзья угова-ривали Олега Алексеевича жениться на влю-бленной Галине (а в Широкова нельзя было не влюбиться) и даже придумали поговорку: хоть имей сто пороков, но женись, как Широков (позже это прозвучало с другой фамилией: не имей сто баранов, а женись, как Чурбанов). Но у него уже была невеста, он не хотел стано-виться зятем генсека, и когда Галина сказала: «Завтра пойдем знакомиться с папой», – Олег Алексеевич сбежал. (Хотя, как он сам расска-зывал автору этих строк, иногда с Брежневой встречался. И отзывался о ней всегда очень хорошо.)

РОЗЫ ОТ МАРИСА

К моменту романа с Марисом Лиепой Галина Леонидовна работала уже в АПН. Познакомила их Инна Иванова, у которой сын танцевал в Большом театре СССР.

У Галины с Марисом был очень красивый роман. Когда она приходила в театр, на ее кресле уже лежали розы от Лиепы, а дирижер Альгис Жюрайтис перед увертюрой низко ей кланялся. Мила уверяет, что любовь эта была взаимной.

Но Лиепа женат (его супруге, в то время артистке Пушкинского театра, Брежнева тоже помогала), а главное – у него двое детей и он очень их любит. Леонид Ильич сказал дочери, что не даст разбить семью, для него это – вне закона. Правда, первый брак Лиепы все равно распался... Брежнева позже помогала и детям Лиепы, хотя как-то заметила Андрису: «Ты, конечно, не отец».

Однажды ее подруге было уж очень плохо, вспоминает Мила, и они решили собраться, развяться, посидеть за уткой с яблоками. Позвонили Лиепе. Марис обещал зайти, но в день намеченной встречи общие знакомые сообщили: он умер.

НЕ ИМЕЙ СТО БАРАНОВ

О личной жизни Галины Леонидовны по сей день ходят самые невероятные легенды, а она, сорокалетняя разведенная женщина, до брака с Чурбановым жила с родителями. К квартире Брежнева на Кутузовском, 26, была подсоединена небольшая двухкомнатная

С ПАПОЙ

квартирка. Но вход был один. Леонид Ильич пытался контролировать жизнь дочери.

Мила рассказывала: «Одним глазом он смотрел на весь мир, другим – на свою дочь. Если я приходила к ней поздно в гости, пока мы не ложились спать, Леонид Ильич тоже не засыпал».

Уезжая на гастроли, Мила давала подруге ключи от своей квартиры у гостиницы «Советская» (кстати, Брежнев помог ей переехать сюда из коммуналки). Как ни странно это звучит, у Галины Леонидовны тоже были квартирные проблемы. Приехав в Москву, они с Милаевым жили в коммуналке у Курского вокзала. А потом после развода пятикомнатную квартиру в жилой части гостиницы «Украина» Брежнев оставила Милаеву. Вообще она не взяла оттуда ничего, даже любимое пианино. Жила вместе с родителями. Лишь выйдя замуж за Юрия Чурбанова, вновь на некоторое время обрела свой дом: сначала они жили на Большой Бронной, потом на улице Щусева рядом с Домом архитектора.

С Чурбановым Галина и познакомилась в ресторане Дома архитектора, куда она пошла вместе с сыном Щелокова Игорем и его женой Нонной.

Позже Юрий Михайлович рассказывал, что он сам заинтересовался: а кто эта красивая женщина? В то время общественность в лицо дочь генсека не знала. Узнали позже, когда Галина Леонидовна уже сильно напоминала папу в последние годы жизни, и к рассказам Чурбанова могли относиться с иронией. Но фотографии того времени свидетельствуют: в сорок два года – а именно в этом возрасте Галина Леонидовна вновь вышла замуж за красавца, которому так шла форма, – она действительно была еще очень

хороша. Новый зять папе понравился.

О жизни подруги с Чурбановым Мила Москалева говорит мало и сдержанно. Только как-то проговорила, что спрашивала его однажды: «Юрий Михайлович, ведь Галя до вас, кроме сухого вина, ничего не пила, почему она вдруг перешла на водку?» Из-за выпивки Москалева в доме подруги почти не бывала: ей, артистке цирка, обильные застолья были ни к чему. Встречались они в основном в доме отца, на Кутузовском, 26. Мила понимала, что семейная жизнь у подруги не очень удалась. Вскоре Юрий Михайлович увлекся инспекционными поездками по стране, а Галина Леонидовна вернулась в привычный круг богемных друзей. В ее жизни появился новый близкий друг – Борис Буряце, которого все звали Цыганским Бароном. Они ходили по ресторанам, в которых Бориса с огромным бриллиантовым крестом на шее и с мощным бриллиантовым перстнем встречали действительно как барона. Рекой лилось любимое шампанское, море цветов, со всех сторон комплименты.

О Цыганском Бароне тоже легенд немало: уверяют, что с Галиной у него был бурный роман. Мила считает, Буряце был просто хорошей подружкой и вообще... любил мужчин.

Встречаясь с Милой, Галина жаловалась: это все из-за того, что жизнь с Чурбановым не сложилась. «Он целовал меня всего два раза, – говорила она подруге. – В день свадьбы и когда уходил в тюрьму». Безусловно, у Юрия Михайловича своя версия их несложившейся жизни, мужчины воспринимают все по-другому.

Про Буряце, которого Галина сделала солистом Большого театра СССР, Москалева знает мало. Он был связан с фарцовщиками и крупными торговцами антиквариатом, и Миле, «выездной» артистке цирка, Милаев – ее начальник – запретил бывать в этой компании. Но она уверяет: никакого отношения к манипуляциям Буряце с бриллиантами ее подруга не имела. Да, она любила украшения! Любовь к бриллиантам, как выяснилось, привил ей Милаев. Он дарил на все даты уникальной красоты вещи, даже работы Фаберже. У Галины были гарнитуры из сапфиров в бриллиантах, из изумрудов в бриллиантах. Отец всегда дарил Галине жемчуг – он очень его любил. «Но ведь, кроме этих побрякушек, у нее ничего не было, – говорит Мила. – Разве это преступление для женщины?» Сапфировые серьги пришлось продать, чтобы оплатить работу адвоката Чурбанова – Андрея Макарова.

Вспоминает Мила такую историю. На гастролях в Краснодаре она пошла в сауну. Встретила там цыган, которые сказали: перeday своей подруге, что Борис из тюрьмы вый-

дет, мужа ее тоже ждет тюрьма, а сама она умрет в глубоком одиночестве.

ОДИНОЧЕСТВО

Жизнь дала трещину после смерти отца, которому Галина была обязана всем. Еще тогда, в конце 1982 года, Галина Леонидовна говорила мужу: «Уедем из Москвы подальше. Я боюсь, нас будут преследовать». Мила уверяет, что гонения начались не со времен Юрия Андропова, якобы собиравшего компромат на дочь предшественника, а со времен Горбачева, причем не без помощи его супруги.

Еще когда был жив Леонид Ильич, Галина Леонидовна говорила, что он поддерживает молодого ставропольца. Позже уже немолодая дочь умершего генсека, жена подследственного бывшего первого заместителя министра внутренних дел СССР встретила в холле своего дома на Щусева соседку – элегантную Раису Максимовну. Горбачева сказала ей что-то язвительное, эмоциональная Брежнева послала первую леди со всей большевистской прямоотой своего отца. С этого будто бы все и началось.

В 1988 году Юрий Чурбанов получил двенадцать лет. Их он отсидел – в отличие от других подельников по «хлопковому делу» – от звонка до звонка. Мила рассказывает, что Юрий Михайлович писал жене потрясающие письма. Та отвечала ему, а Москалева отсылала в зону в Нижний Тагил теплые вещи и деньги. К этому времени у шестидесятилетней Галины Леонидовны возникли проблемы со здоровьем, почти отнялись ноги, и на свидания к мужу она не ездила.

Политические процессы продолжались. Все машины Брежнева и Чурбанова конфисковали. Слепую и очень больную Викторину Петровну выбросили с госдачи Брежнева на Устиновскую, потом отправили в Москву на Кутузовский, 26, где она жила на пенсию в 180 рублей. Мила помнит Викторину Петровну как очень отзывчивую женщину. Она помогала всем лекарствами, собирала приехавшей с гастролей Миле пакет с едой. «У них вся семья такая, – говорит Москалева. – Помню, Леонид Ильич всегда интересовался, накормили ли медсестер, ухаживавших за Викторией Петровной». В последние годы жизни уже Мила приносила домашнюю еду и Викторине Петровне, и ее дочери, своей подруге. Очень хорошо отзывался о бывшей теще Чурбанов. (К чести Юрия Михайловича, он не забыл и свои тюремные университеты, поэтому постоянно оказывал помощь московским СИЗО.)

С Галиной Леонидовной после его освобождения они так и не сошлись. Брежнева

следующий день это платье ей подарил Глазунов».

Дачу Галина Леонидовна, чтобы иметь хоть какую-то прибавку к скромной пенсии, сдала внучатому племяннику Суслова – Владимиру Стерликову (в 1996 году он был застрелен на Рублево-Успенском шоссе). Квартиру в доме на улице Щусева занял Руслан Хасбулатов.

На Кутузовском, 26, телефон молчал. Москалева вспоминает, что из бывших друзей звонили лишь Евгений Дунаевский, Владимир Перес, но по-настоящему помогал только Иосиф Кобзон.

Дети Милаева привели как-то к мачехе английскую съемочную группу. Поили ее с утра, а потом снимали за столом с бутылкой, в ванной со стаканом. Галина Леонидовна, забыв обо всем, увлеклась строившим ей глазки красавцем-англичанином, поверила, что она ему тоже нравится. Англичанину же нравился гонорар, который группа получала за этот ужасный фильм, видимо, и ставший последней каплей, переполнившей чашу терпения родственников. Оформив опеку над матерью, дочь Виктория отправила ее в спецлечебницу. Затем продали дачу, а квартиру Брежнева со всем содержимым купил некий Костя, владелец ресторана «Пекин».

Кстати, с дома на Кутузовском, 26, исчезла и мемориальная доска с именем Леонида Ильича. В одном из интервью внук Брежнева рассказывал, что он просил эту доску на память. Ему отказали: мол, это собственность государства. Позже доску продали за границу.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

«Почему же Галину Леонидовну отправили в психушку?» – спросила я у Милы. «Все вопросы к Витуське», – уклонилась она от ответа. «И как же теперь живет ее дочь?» «Хуже некуда», – опять лаконично сказала Москалева. Впрочем, позже оговорила, мол, если буду рассказывать о последних письмах Брежневой, Витуська обещала меня застрелить.

Об этих загадочных письмах Мила говорить кому-либо до сих пор опасается. Вспоминает только, как получила одно из них по почте и от переживаний два часа не могла прийти в себя: Галина Леонидовна не соглашалась с поставленным диагнозом, рассказывала, кто ее упек в психушку, и просила о помощи. Письмо было подлинным – Мила узнала автограф подруги с характерной, как у отца, буквой «Б».

ГАЛИНА ЛЕОНИДОВНА И ЛЕОНИД ИЛЬИЧ ОКОЛО ПЕРВОЙ МАШИНЫ, КОТОРУЮ МИЛАЕВ ПРИВЕЗ ТЕСТЮ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

осталась одна, тоску пыталась заглушить вином, могла за день употребить целый ящик сухого. Пенсии не хватало. Приходилось продавать кое-какие вещи. В это время был в разгаре судебный процесс, о котором Москалева, выступавшая свидетелем, не может и сейчас говорить без содрогания – пытались национализировать дачу Чурбанова, квартиру Брежневой и их наследство. Оказалось, что и национализировать-то нечего.

«Какое там состояние! Помню, Галя вместе с дочерью поехала в Париж, – вспоминает Мила, – к родственнице. Встретила там Глазунова – у него как раз проходила выставка. Илья Сергеевич пригласил Гаю в ресторан на Монмартре, потом они гуляли, и Галина оставилась у витрины магазина, любящая шикарным платьем. Денег на покупку не было. На

Знакомые посоветовали снять с него копии...

«Я тогда просила всех друзей: поехали к Галине, – рассказывает Мила. – Никто не откликнулся». Виктория только обещала, что обязательно съездит к матери. Москалева ездила в лечебницу вместе с Нонной Щелоковой. В последние годы Галина полностью реабилитировалась, просилась домой. Но брать ее уже было некуда. «Ты с ума сошла, – говорила Щелокова Миле. – Она узнает, что стала бомжем, и покончит с собой. Ты же будешь виновата».

Говорят, еще одно письмо Брежнева отправила Чурбанову, но оно пришло с опозданием на год. А еще Галина Леонидовна будто бы обращалась за помощью к Татьяне Дьяченко. Трудно сказать, дошли ли эти письма до адресата. ■

СТАРШИЙ СЫН АНДРОПОВА

Юрий Андропов скончался 9 февраля 1984 года. Вскоре после смерти Центральное телевидение показало объемный документальный фильм о Юрии Владимировиче. И только одно осталось для зрителей тайной за семью печатями: первый брак Андропова, от которого у него были дочь Евгения и сын Владимир. Но в те времена личная жизнь партийных небожителей охранялась похлеще государственных секретов

Олег БЛОЦКИЙ

Специально для «Совершенно секретно»

ТИРАСПОЛЬ. ВЕСНА 1963 ГОДА

Именно в это самое время во дворе тираспольской швейной фабрики совершенно случайно столкнулись два человека.

Высокий, слегка сутулящийся парень замедлил шаг, взгляделся в идущего навстречу и радостно закричал:

– Жид, здорово!!

Шедший блатной походочкой поднял глаза, и его лицо расплылось в улыбке.

– Студент, привет! Ты что здесь делаешь?

– Приехал перевоспитываться!!

– А меня уже перевоспитывают! – радостно ответил местный «уркаган» и заключил собеседника в объятия.

И если Жида все знали в миру как известного тираспольского вора-карманника по фамилии Блехер, то высокий красивый парень им был совершенно неизвестен. А зря!

Добровольно приехавшего на «перековку» звали Владимир Юрьевич Андропов, отец которого в это самое время трудился в Москве в должности заведующего Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Параллельно с этим Юрий Владимирович исполнял обязанности и секретаря ЦК КПСС.

ВЕХИ БИОГРАФИИ

Юрий Владимирович родился 15 июня 1914 года на станции Нагутская нынешнего Ставропольского края. Его отец был железнодорожным телеграфистом. В 1919 году он умирает от сыпного тифа. Еще через 10 лет мама Юрия Владимировича, Евгения Карловна Файнштейн, умирает от туберкулеза.

В 1932 году Юрий Владимирович поступает в рыбинский техникум водного транспорта, который оканчивает через четыре года.

В возрасте 22 лет Андропов женится на выпускнице своего же техникума Нине Ивановне Енгальцевой. В 37-м у молодой четы появляется первенец – дочка Евгения.

В марте 40-го рождается сын Владимир. К этому времени Юрий Владимирович уже первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, и партия бросает его на новую должность – первого секретаря ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР в провинциальный городишко Петрозаводск.

Некоторые биографы Юрия Владимировича, говоря о его втором браке с Татьяной Филипповой, утверждают, что роман между ними зародился в 1939 году еще в Ярославле и, мол, Андропов, уезжая к ново-

В ЦЕНТРЕ – ЮРИЙ АНДРОПОВ

му месту работы, уже знал, что с прежней женой жить не станет.

Однако есть и другое мнение: Нина Ивановна отказалась следовать за мужем в Петрозаводск. Причина и банальна, и чрезвычайно важна – неустроенный быт на новом месте, а также двое малолетних детей на руках.

Но факт в любом случае остается фактом: в предгрозовом 1940 году судьбы супругов резко расходятся и дети остаются сиротами при живом отце.

ТИРАСПОЛЬ – ГРЕБЕНИКИ

Поиски следов Владимира Андропова привели сначала в город Бендеры, а затем и в Тирасполь – столицу непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Официальные и неофициальные лица выслушивали внимательно и практически сразу подтверждали: «Да, жил здесь. Работал. Умер молодым». Постепенно выяснялось, что Владимир Юрьевич не только работал в Тирасполе, но там и женился.

Через посредников вышел на его бывшую жену – Марию Иосифовну, и они договорились о встрече, на которую женщина охотно согласилась. На следующий день вдова Андропова... исчезла.

Когда стало окончательно ясно, что не в телефоне дело, пришлось отыскивать домашний адрес Андроповой, ехать туда и общаться с соседями. Те подтвердили, что

Мария Иосифовна несколько дней назад внезапно уехала на дачу, которая находится на... украинской территории.

Гребеники оказались не просто большой деревней, а огромнейшим селом, где сельсовет был привычно на замке по причине страды, а людей на улицах – считанные единицы, и все больше – детвора.

Однако возле почты сидели сельянки, у которых я и спросил про женщину из Тирасполя по фамилии Андропова. Приветливые украинки немного подумали и назвали адрес.

Мария Иосифовна оказалась невысокой женщиной лет пятидесяти пяти на вид. Всю жизнь она проработала на фабрике, и именное родство никак не сказалось ни на ее материальном положении, ни на социальном.

Удивительно, но даже во двор она не пригласила войти, что по деревенским меркам считается делом почти неслыханным. Так и стояли мы с ней за забором более часа под палящим украинским солнцем.

Мария Иосифовна говорить о Владимире Юрьевиче отказалась. Единственное, что постоянно повторяла Андропова: «Он был очень хорошим человеком. Он был добрым человеком, через что и пострадал».

Вернувшись в Москву, я разыскал телефон Евгении Юрьевны, старшей сестры Володи Андропова, которая живет в Ярославле. Ее судьба в отличие от жизни брата сложилась довольно-таки удачно: окончила медицинский институт, работала

врачом-дерматологом в Ярославле, вышла замуж, родила сыновей. Сейчас Евгения Юрьевна на пенсии. Но и она отказалась что-либо говорить о брате. Причина известная: журналисты все переврут.

Видимо, подобной точки зрения придерживается и Владимир Александрович Крючков, который прошагал с Юрием Владимировичем Андроповым около четверти века и многое знал из жизни этого человека. Бывший шеф КГБ, подтвердив факт того, что у Андропова был старший сын, напроочь отказался разговаривать на эту тему.

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕЛА АНДРОПОВА

Шеф всесильного МГБ Приднестровья – правопреемника бывшего КГБ – генерал Антюфеев выслушал меня, а затем расстроил, сказав, что в их архивах документов, касающихся пребывания Владимира Андропова в Тирасполе, а также его смерти в Бендерах, нет. Это совершенно точно, потому что он, Антюфеев, давал поручение своим сотрудникам после нашего с ним телефонного разговора разобраться с этим вопросом. А так да, Владимир Андропов жил в Тирасполе, а до этого был судим дважды.

Признаться честно, я не поверил Антюфееву, что в его службе нет никаких бумаг на Андропова. И... ошибся. Оказывается, чекист сказал сущую правду.

– Он у нас работает не так давно, – ответил на мои сетования по поводу безрезультатной встречи с шефом МГБ один из высокопоставленных чиновников Приднестровья. – И может не знать, что в 1982 году все документы, касающиеся Владимира Андропова, были в срочном порядке вывезены в Москву. А там, судя по всему, они были уничтожены. Вспомни то время: в партии шла борьба за власть, Юрий Андропов был одним из главнейших претендентов на нее. Зачем ему какие-то нежелательные свидетельства, которые могут быть использованы против него недоброжелателями?

Во все времена в СССР и России существовали группировки и кланы, которые постоянно подсиживали друг друга. Компромат был нужен всегда. А если он касался дел потаенных и личных, то становился и вовсе бесценным. Не важно, кто именно будет в чем-то замешан: дочь, сын, зять, невестка, сноха. Главное – грязь, и побольше.

В мае 1982 года Юрий Андропов избирается секретарем ЦК КПСС и уходит с должности председателя КГБ, которую занимал в течение 15 лет. Видимо, в это самое время осторожный Юрий Владимирович и затребовал все дела на сына из тираспольского КГБ в Москву. Ведь неизвестно, кто займет пост председателя и что он может предпри-

нять в свете обостряющейся борьбы за власть.

В принципе все так и получилось. Шефом КГБ СССР стал Федорчук. Мягко говоря, далеко не товарищ Юрию Владимировичу.

Тот факт, что дела на Владимира Андропова были, но исчезли, подтвердила и его вдова, видимо, и сама не обратив на это внимания.

Когда я сказал Марии Иосифовне, что ходил в МГБ по поводу негласных дел на ее мужа, женщина вспыхнула и моментально выпалила: «Ну и что вы туда ходили? Там ведь все равно уже ничего нет!»

ТИРАСПОЛЬ – БЕНДЕРЫ

Владимир Андропов попал в Тирасполь случайно. На местной швейной фабрике ее директор Валентина Соловьева организовала некое движение по возвращению бывших эзков к нормальной трудовой жизни.

Система перевоспитания бывших «урок» работала, в принципе, без сбоев. Вчерашние эзки приезжали на фабрику, получали работу, жилье и принимались трудиться. Особых ловчил и проходимцев не было.

Валентина Сергеевна утверждает, что даже когда Андропов устроился на работу, она не знала, чьим он сыном является. Мол, Володя своим родством нигде не кичился и вел себя крайне скромно. По словам Соловьевой, о том, что «это сын большого начальника в Москве», она узнала от соседа Андропова по комнате в общежитии. Сосед, кстати, до «перековки» был «медвежатником» – специалистом по взлому сейфов.

Правда, злые языки в Тирасполе утверждают, что директор фабрики прекрасно знала, чьим на самом деле сыном является новый работник, и всячески его привечала на новом месте, чтобы в дальнейшем использовать эти связи. Однако эти же самые злые языки в продолжение темы почему-то говорили, что никаких привилегий у Владимира Юрьевича не было.

Есть и третья версия появления Андропова в Тирасполе. Путешествуя по Союзу, Владимир заехал в Кишинев в гости к Бодюлу – первому секретарю ЦК Компартии Молдавии. И добрейший Иван Иванович, большой друг Юрия Владимировича, порекомендовал Володе отправиться в Тирасполь к Соловьевой.

Как бы там ни было, но Владимир устроился на работу в механический цех простым слесарем и очень быстро сошелся с коллективом.

О себе Андропов особенно не распространялся, но по повадкам и манерам окружающим было видно, что парень явно с «блатной» биографией. Особенно это четко проявлялось, когда Володя брал в руки гитару. Лагерный «шансон» был преобладающим в его пении.

Надо сказать, что Владимир Юрьевич прекрасно пел, и поэтому друзья по бригаде частенько говорили ему во время работы: «Володь, ты лучше спой, а мы тут сами как-нибудь разберемся». Тем более что бригада была на подряде и сама распределяла между собой заработанные деньги.

Те люди, которые знали и отца, и сына, утверждают, что Владимир был прямо-таки копией родителя. Он походил на него всем: фигурой, походкой, легкой сутуловатостью, голубыми глазами. Лишь волосы у Володи были русыми.

Кроме этого, старшему сыну Андропова передалось от отца его умение петь (а Юрий Владимирович очень хорошо пел сам и прекрасно разбирался в музыке – недаром Евгения Карловна была ее преподавателем), увлечение книгами и страсть к стихотворному изложению собственных мыслей на бумаге.

Лишь в одном они расходились: Юрий Владимирович был человеком осторожным и даже скрытным, а у Владимира Юрьевича – душа нараспашку. Может быть, именно через это он и попадал дважды в тюрьму за карманные кражи. Первый раз это произошло, когда Володе было 17 лет.

Сам Андропов объяснял свой путь по этой дорожке тем, что в детстве родители его периодически отдавали в детские военно-учебные заведения: Суворовское – в Москве и Нахимовское – в Ленинграде. Ни там, ни там свободолюбивому Володе не нравилось. И он оттуда сбежал. Но оказывался в Ярославле не сразу, наслаждаясь некоторое время свободой.

Вот в одном из таких длительных путешествий вместе с ребятами, которых никто и нигде не ждал, он и сошелся с «урками». А, как известно, в юношестве воровская романтика наиболее привлекательна. Тогда же он и стал карманником.

Юрий Владимирович, безусловно, был в

курсе происходящего, переживая за сына, но лично и настойчиво в его судьбу не вмешивался. Как осторожный политик, он все предпочитал делать руками своих помощников.

По крайней мере, свидетели утверждают, что в ЦК партии была некая Нонна, которая, собственно, и занималась тем, что вытаскивала Володю из всех неприятных историй. Во многие из них Андропов-младший попадал с подачи своих друзей-шалопаяв. Те прекрасно понимали, что в случае чего «отмазывать» от тюрьмы будут не только «сына начальника», но и их – подельников.

Именно это – внешнее невмешательство – отметила и Валентина Соловьева, которая после Володиногo трудоустройства встречалась в Москве и с Юрием Владимировичем, и с Татьяной Филипповной.

«Принял он меня в ЦК сразу, – рассказывает Валентина Сергеевна. – Конечно, был расстроен, когда зашла речь о сыне. Я сказала, что Володя практически раздет, а уже надвигается зима, и ему необходимы теплые вещи. Договорились, что Юрий Владимирович будет высылать по 40 рублей ежемесячно на фабричный комитет. Потом он пригласил меня к себе домой. Он жил на Кутузовском. Напротив была квартира Брежнева. Там я познакомилась с Татьяной Филипповной. По всему было видно, что она мужа очень любит и страдает, когда что-то доставляет ему неприятности. Поэтому разговаривали преимущественно с ней. Татьяна Филипповна передала подарки Володе. Так она поступала и в дальнейшем».

В 1964 году Володя женился на работнице фабрики. Справили комсомольскую свадьбу, и молодые зажили в комнате в общежитии. О том, чтобы дать квартиру, речи не было и быть не могло. Также она не возникала и через год, когда у четы Андроповых родилась дочка Евгения.

Все круто изменилось в 1967 году. Именно тогда председателем КГБ стал Юрий Андропов. Тираспольские чекисты моментально сориентировались в обстановке и тут же взяли Володю под свое крыло, выделив двухкомнатную квартиру.

Самое интересное, что происходило это не по приказу сверху, а исключительно из пронируемости. Тем более что Юрий Владимирович в личных делах был человеком щепетильным и никогда бы не распо-

рядился насчет того, чтобы его сыну помогли с жильем или же лучше трудоустроили.

Таким образом, новое назначение Юрия Владимировича сыграло недобрую шутку с его сыном. Всем известно, каким влиянием и мощью в Союзе обладали в то время комитетчики. А теперь представьте 27-летнего парня, перед которым местные гэбэшники чуть ли не по команде «смирно» ходят. У кого угодно голова закружится.

Говорят, что именно с этого самого времени начал Владимир Юрьевич выпивать. С фабрики он ушел, благо теперь его трудоустройством стала заниматься более значимая организация.

Тем не менее чекисты вспоминают, что был Владимир Юрьевич необычайно добрым и чистым внутренне человеком.

Говорят, что именно таких Бог забирает в первую очередь.

Скончался Владимир Андропов в начале июня 1975 года в Бендерах от цирроза печени. Было ему от роду 35 лет 3 месяца и 1 день.

Умирал Владимир Юрьевич тяжело. Очень хотел, чтобы к нему приехал отец. Юрий Владимирович не появился ни на похороны, ни после них. Правда, местные чекисты все организовали должным образом.

ПЕЧАЛЬНЫЙ, ПЕЧАЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

– Ладно, – сказал я Марии Иосифовне под палящим солнцем в деревне Гребеники. – Укажите, где точно могила Владимира Юрьевича. Я знаю, что похоронен он в Бендерах.

– Не скажу, – ответила вдова. – А вообще-то, никто не знает, где похоронен Володя. Об этом знали Юрий Владимирович и я, а теперь – мы с дочкой. Не найдете вы его могилы.

«Бред какой-то», – подумал я и отправился впоследствии на городское кладбище.

Могилы Владимира Юрьевича я там так и не нашел. Был человек и весь вышел. Даже могильную плиту спрятали. А что КГБ когда-то спрятал, то это, как ни крути, сегодня не найдешь.

Интересно другое: кому, даже после смерти, мог мешать Владимир Андропов? ■

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2019 РІК

КОМПЛЕКТ:
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА» +
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49542
3 міс. - 63,54 грн
6 міс. - 127,08 грн
12 міс. - 245,15 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»

ИНДЕКС 35257
3 міс. - 36,87 грн
6 міс. - 73,74 грн
12 міс. - 147,48 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»

ИНДЕКС 49056
3 міс. - 30,59 грн
6 міс. - 61,18 грн
12 міс. - 122,37 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періода та пенсіонерів)

ИНДЕКС 37104
3 міс. - 32,95 грн
6 міс. - 65,89 грн
12 міс. - 131,78 грн

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 | Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(найменування видання)

(індекс видання)

Кількість компл.

на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс)

(адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ місце літер

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
(найменування видання)

Вартість передплата

Кількість компл.

на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можна оформити за тел.: (044) 207-97-25, або на сайті market.umh.ua

ВИКТОРИАНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Королева Виктория, возможно, была внебрачным ребенком, и тогда все ее прямые наследники, включая Елизавету II, не имеют права на британский трон

СЛЕВА НАПРАВО: ГЕРЦОГИНЯ ВИКТОРИЯ ЛЕЙНИНГЕНСКАЯ С ДОЧЕРЬЮ ВИКТОРИЕЙ – БУДУЩЕЙ КОРОЛЕВОЙ; ЭДУАРД АВГУСТ, ГЕРЦОГ КЕНТСКИЙ; СЭР ДЖОН КОНРОЙ.
ВНИЗУ:
КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ И ЕЕ ПРЕМЬЕР БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ СЛЕВА НАПРАВО: ГЕРЦОГИНЯ ВИКТОРИЯ ЛЕЙНИНГЕНСКАЯ С ДОЧЕРЬЮ ВИКТОРИЕЙ – БУДУЩЕЙ КОРОЛЕВОЙ; ЭДУАРД АВГУСТ, ГЕРЦОГ КЕНТСКИЙ; СЭР ДЖОН КОНРОЙ.
СПРАВА:
КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ И ЕЕ ПРЕМЬЕР БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ

**Кровь – сок совсем особенного свойства.
Гете «Фауст»**

**Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны –
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...**

Георгий Иванов

Было время, когда слова «европейская семья» имели буквальный смысл: монархи христианского мира состояли друг с другом в близком родстве. Короли – люди из плоти и крови, и сами они знают это лучше, чем кто бы то ни было из их подданных. Но случается, что кровь играет с ними злую шутку, и принадлежность к роду венценосцев превращается в проклятие.

СЛАВНЫЙ ВЕК ВИКТОРИИ

Родившись наследницей престола, принцесса Виктория легко могла этого звания лишиться. В декабре 1820 года герцогиня Кларенская Аделаида родила дочь, крещенную Елизаветой Георгиной Аделаидой, – как ребенок старшего брата она имела преимущественное право наследования. Но уже в марте следующего года девочка умерла от «заворота кишок».

Принцесса Виктория получила суровое воспитание. Лишенная отца, братьев и сестер, она находилась под неусыпным надзором и наказывалась за малейшую провинность; ей было отказано даже в праве на собственную спальню – она спала в одной комнате с матерью. Отца Виктории в значительной мере заменил дядя Леопольд – она звала его solo padre. Он уже в раннем детстве мысленно сосватал ее своему племяннику Альберту, рассчитывая играть важную роль при дворе. Честолюбивые планы лелеяла и мать Виктории, вдова герцога Кентского, – в том случае, если бы Виктория взошла на престол до наступления совершеннолетия, герцогиня стала бы регентшей.

Исключительную роль в ближайшем окружении герцогини играл отставной капитан ирландской армии Джон Конрой. Он был другом покойного Эдуарда Кентского, а после того, как герцогиня Виктория овдовела, стал управляющим всей ее собственностью и, следовательно, особо доверенным лицом. Герцогиня всецело находилась под влиянием этого неординарного человека, который имел все основания питать радужные надежды на амплу

«серого кардинала» при дворе королевы Виктории. Конрой активно содействовал замужеству дочери герцогини от первого брака, принцессы Феодоры (она вышла за князя Эрнста Гогенлоэ-Лангенбурга). Конрой стремился изолировать юную Викторину, всеми силами ограждая ее от знакомств, угрожающих его статусу. Он, в частности, отчаянно пытался сорвать визит в Лондон двоюродных братьев Виктории Альберта и Эрнста – будучи 17 лет от роду, она пригласила их по настоянию дяди Леопольда и тотчас по-детски влюбилась в обоих.

Виктория стала королевой в возрасте 18 лет и 27 дней. Незадолго до коронации она переболела тифом, и Джон Конрой не отходил от одра болезни, тщетно пытаясь заполучить ее подпись под документом о назначении его, Конроя, личным секретарем Виктории. Первое, что она сделала в «должности» монарха, – велела перенести свою кровать из спальни матери в отдельную комнату. К величайшему разочарованию Джона Конроя, она приняла премьер-министра лорда Мельбуерна наедине, безапелляционно заявив, что и впредь будет поступать так же. Виктории удалось отстоять свою независимость и от дяди Леопольда – она мягко, но решительно дала ему понять, что не нуждается в его советах.

Однако от своего намерения поженить племянника и племянницу Леопольд не отказался. Спустя два года после коронации он устроил вторую поездку Альберта в Лондон. Тот отправился на Британские острова с твердым желанием положить конец беспочвенным фантазиям дядюшки. Аналогичное желание испытывала и Виктория, которой надоело состояние мнимой помолвки. Однако их встреча произвела ровно противоположный эффект. Альберт возмужал и превратился из подростка в обольстительного молодого мужчину. На третий день юная королева сделала ему предложение. (Согласно придворному протоколу, монарху нельзя предлагать руку – это всегда делает сам монарх.) Свадьбу сыграли 10 февраля 1840 года. Альберт стал принцем-консортом – супругом королевы без права наследования престола.

С первых же дней семейной жизни начались проблемы с родственниками. Мать королевы пожелала переехать к молодоженам в Букингемский дворец, а когда Виктория ответила отказом, заявила зятю, что родная дочь гонит ее из дому. Свекор, герцог Кобургский, настойчи

чиво намекал невестке, что было бы не худо по-родственному заплатить из английской казны его многочисленным кредиторам.

Виктория забеременела спустя месяц после свадьбы и в ноябре 1840 года произвела на свет девочку, названную Викторией Аделаидой Марией Луизой, по-домашнему – Вики.

Через три месяца после рождения первой дочери королева снова забеременела. На сей раз на свет появился мальчик – будущий король Эдуард VII. Следующим ребенком была дочь Алиса, за которой последовали Альфред, Хелена, Луиза, Артур, Леопольд; девятым и последним ребенком в семье была принцесса Беатрис, родившаяся в 1857 году. Все дети и особенно наследник воспитывались в чрезвычайной строгости и уже в раннем возрасте подвергались порке; занятия продолжались с 8 утра до 7 вечера шесть дней в неделю. Родители загодя подбирали им партию. Старшая дочь Вики была представлена своему будущему

мужу, кронпринцу Германии Фридриху (будущему императору Фридриху III) в возрасте 10 лет, в 17 помолвлена, а в 20 имела уже двоих детей (старший стал императором Вильгельмом II). Рано вышли замуж и три другие дочери, и лишь младшая Беатрис засиделась в девцах до 28 лет – мать никак не хотела расстаться с ней и держала ее при себе в качестве компаньонки.

Один из девяти детей, Леопольд, страдал тяжким недугом – гемофилией. Клирики толковали болезнь как кару за нарушение библейского завета: при родах Леопольда была впервые применена новинка – анестезия хлороформом, а ведь Господь говорит познавшей грех Еве: «Умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей» (Быт., 3:16). Леопольд к тому же был нехорош собой и стал нелюбимым ребенком в семье; он месяцами не видел мать и рано почувствовал себя изгоем. Виктория до

такой степени стыдилась своего младшего сына, что, отправляясь со всем семейством на отдых в загородное поместье Балморал, оставляла его в Лондоне на попечении нянек. Но, как часто бывает в таких случаях, юный страдалец компенсировал физические изъяны блестящим интеллектом. Виктория начала отдавать должное уму Леопольда, когда тому было шесть лет. Старшим другом Леопольда стала жена его брата Альфреда, великая княгиня Мария Александровна, дочь Александра II, которая тоже чувствовала себя одинокой в чужой стране.

Принц-консорт умер в декабре 1861 года после сильнейшей простуды. Королеве Виктории в момент смерти мужа было 42 года. Она погрузилась в бессрочный траур, в течение пяти лет кряду отказывалась произносить тронную речь в парламенте, каждую ночь клала на подушку рядом с собой портрет покойного супруга и засыпала с его ночной сорочкой в руках.

Леопольд окончил Оксфорд, стал одним из личных секретарей королевы и, в отличие от наследника престола, имел доступ к секретным государственным бумагам. В 1880 году он побывал в США и Канаде и произвел там настолько благоприятное впечатление, что канадцы просили королеву назначить его генерал-губернатором; но Виктория не могла обойтись без помощи и советов своего младшего сына и ответила отказом. Занимаясь государственными делами, Леопольд продолжал свое образование – он получил степень доктора гражданского права. Принц основал Королевскую консерваторию и вступил в масоны. В 1881 году Виктория пожаловала ему титул герцога Олбани и стала подыскивать невесту. В конце концов избранницей стала Хелена Вальдек-Пирмонт, сестра королевы Нидерландов Эммы Вильгельмины. От этого брака в феврале 1883 года родилась дочь Алиса.

Спустя год супруги на время расстались: Леопольду придворные доктора рекомендовали провести необычайно суровую зиму в Канне; Хелена же была на сносях и не могла сопровождать его. В марте Леопольд упал на лестнице канского отеля и спустя несколько часов умер от кровоизлияния в мозг. В июле его вдова родила мальчика, названного Чарльзом. В 1900 году Чарльз унаследовал от своего дяди Альфреда титул герцога Саксен-Кобург-Готского и переехал в Германию. Впоследствии он сыграл важную роль в возвышении Гитлера.

РОКОВОЕ НАСЛЕДСТВО

Гемофилия – наследственное заболевание, выражающееся в нарушении механизма свертываемости крови. Больной страдает кровотечениями даже при незначительных травмах и спонтанными кровоизлияниями во внутренние органы и суставы, что ведет к их воспалению и разрушению. Гемофилии подвержены почти исключительно мужчины; женщины выступают ее носителями, передавая своим детям хромосому X с дефектными генами, определяющими отсутствие или недостаточность в плазме крови факторов сворачиваемости – фактора VIII, фактора IX или фактора XI. Соответственно первая форма заболевания называется гемофилией А, вторая – гемофилией В, третья – гемофилией С. Болезнь по сей день неизлечима, применяются лишь поддерживающие меры, прежде всего регулярные инъекции недостающих факторов, полученных из крови доноров.

Что было известно о характере болезни в викторианские времена? Ее умели диагностировать и описать, но не умели помочь пациенту, поскольку не понимали природы его недуга. Наиболее ранний из описанных случаев датируется вторым веком нашей эры: некий раввин разрешает женщине не обрезать сына, после того как двое его старших братьев истекли кровью и умерли при операции. Однако еще в XIX веке семья украинских евреев потеряла десятилетних сыновей, страдавших гемофилией и скончавшихся в результате обрезания. В 1803 году американский врач Джон Отто опубликовал классическое описание болезни – ему был ясен наследственный характер гемофилии, и он проследил корни подверженной ей семьи почти на столетие назад. Но механизм передачи наследственных признаков оставался тайной.

Первооткрыватель этого механизма – моравский аббат-августинец Грегор Мендель, основоположник генетики. Результаты своих

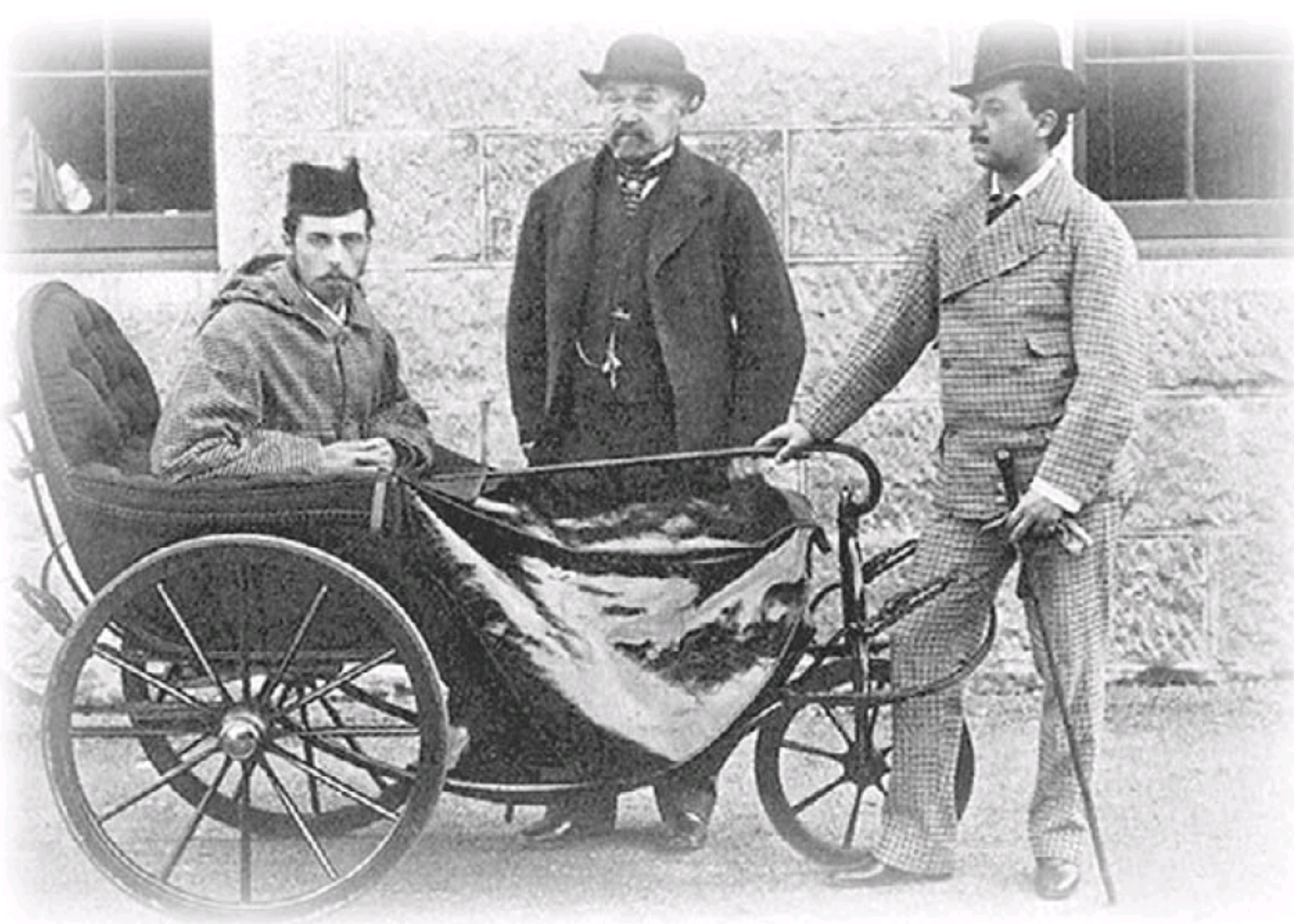

ДЯДЯ ВИКТОРИИ ЛЕОПОЛЬД САКСЕН-КОБУРГСКИЙ С ЖЕНОЙ ШАРЛОТТОЙ. СПРАВА: СЫН ВИКТОРИИ, БОЛЬНОЙ ГЕМОФИЛИЕЙ ЛЕОПОЛЬД В ИНВАЛИДНОЙ КОЛЯСКЕ

опытов по скрещиванию гороха он опубликовал в 1866 году, а умер в 1884-м, оставаясь непризнанным гением. Биохимическая структура молекулы – способ, посредством которого она переносит генетическую информацию, – была открыта лишь в середине прошлого столетия учеными Кембриджского университета Фрэнсисом Криком и Джеймсом Уотсоном, получившими за это Нобелевскую премию за 1962 год.

В XIX веке попытки лечения зачастую лишь усугубляли страдания гемофиликов. Им ставили пиявки, банки, отворяли вены, вскрывали суставы, дабы превратить внутреннее кровоизлияние во внешнее. Эти меры сплошь и рядом приводили к трагическим результатам. Тем не менее еще в 1894 году знаменитый врач и непрекаемый авторитет сэр Вильям Ослер, которого Виктория пожаловала в рыцари (его заслуги перед медициной действительно велики), рекомендовал для лечения гемофилии кровопускание. Физиологи догадывались, что причина болезни кроется в отсутствии или нехватке какого-то вещества в крови пациента. Спустя три года после коронации Виктории и задолго до рождения принца Леопольда лондонский врач Самюэль Армстронг Лэнс применил для лечения 12-летнего гемофилика переливание крови. Это был абсолютно верный шаг, но беда в том, что медицина того времени не имела понятия о совместимости различных групп крови, и метод Лэнса был реабилитирован лишь в 30-е годы прошлого века. И только в 60-е годы д-р Кеннет Бринкхауз из университета Северной Каролины открыл методы выделения, концентрации и консервации фактора VIII, благодаря чему гемофилики смогли делать себе инъекции самостоятельно. Однако в 80-е годы на человечество свалилась новая напасть – СПИД, и вместе со спасительным раствором больные получали смертоносный вирус, до тех пор пока ученые не научились выявлять наличие вируса иммунодефицита в крови.

Леопольд получил дефектный ген от матери, королевы Виктории. От кого получила его королева? Ее отец, герцог Кентский, гемофиликом не был. Носителем должна была быть ее мать, герцогиня Виктория. В этом случае можно ожидать, что злополучный ген сказался и на других ее потомках. В первом замужестве герцогиня имела двоих детей, Карла и Феодору – единоутробных брата и сестру королевы Виктории. Карл был здоров, следовательно, не мог передать болезнь своим детям. Феодора родила пятерых детей, в том числе троих мальчиков – ни один из них не имел симптомов гемофилии. Однако девочки могли оказаться носителями. Старшая дочь Феодоры Аделаида произвела на свет обширное потомство – четырех дочерей, одна из которых умерла во младенчестве, и троих вполне здоровых сыновей; ее средняя дочь Каролина Матильда родила девятых детей, но ни они, ни их дети, то есть прапраправнуки Виктории – предполагаемого переносчика болезни, – ни малейших признаков гемофилии не выказали. Младшая дочь Феодоры, тоже Феодора, имела двух сыновей, опять-таки ни в коей мере гемофилией не страдавших (один из них, кстати говоря, попал в годы Второй мировой войны в советский плен и умер в

1946 году в мордовском лагере).

Но что, если подняться вверх по генеалогическому древу королевы Виктории? Не страдал ли гемофилией кто-либо из ее предков-мужчин? Родословная Виктории прослежена вплоть до семнадцатого колена, и именно на предмет гемофилии. Эту кропотливую работу проделали в 1911 году, уже после смерти королевы, члены британского Общества евгеники Уильям Буллок и Пол Филдс. Плод их трудов хранится в виде двух свитков в библиотеке Королевского медицинского общества; он никогда не публиковался по простой причине: исследователи не смогли найти, как ни старались, среди предков королевы Виктории, в числе коих значатся представители знатнейших европейских династий и королевских домов, ни одного гемофилика. Одно из двух: либо порочный ген мутировал, когда будущая королева была еще эмбрионом в чреве своей матери, либо она не родная дочь герцога Эдуарда Кентского. Вероятность мутации составляет один шанс из 25 тысяч. Вероятность адюльтера, учитывая тогдашние нравы, напротив, весьма высокая.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ГЕРЦОГА КЕНТСКОГО

Брак герцогини Лейнингенской и Эдуарда Кентского был заключен не по любви, а по расчету – Эдуард рассчитывал женитьбой поправить свои финансовые дела. Герцогу Кентскому в год свадьбы шел уже шестой десяток, у него были изрядное брюхо и лысина, а вдовушке – всего 32. До свадьбы они встретились лишь однажды, когда Эдуард приезжал на смотрины в Аморбах. Ради матримониальных планов герцог был вынужден расстаться с мадам Сен-Лоран, с которой прожил душа в душу 27 лет. Детей у них как будто не было – пусть незаконнорожденных, но признанных отцом, как были признаны Вильгельмом IV его внебрачные дети; и это наводит на подозрения: уж не был ли Эдуард бесплоден?

Гемофилия – наследственное заболевание, выражающееся в нарушении механизма свертываемости крови. Больной страдает кровотечениями даже при незначительных травмах и кровоизлияниями во внутренние органы и суставы, что ведет к их воспалению и разрушению. Гемофилии подвержены почти исключительно мужчины, а женщины выступают носителями дефектных генов

Вопрос не так прост, как может показаться. Королева Виктория сделала все, чтобы стереть память о французской подруге своего отца. На основании различных косвенных свидетельств исследователями высказывались предположения о том, что у герцога Кентского и мадам Сен-Лоран дети были, причем, по некоторым подсчетам, их было не менее семи. Однако историк Молли Гиллен, тщательно изучившая сохранившиеся архивные документы, особенно финансовые, пришла к выводу, что герцог не имел потомства от мадам. Кто из двоих был бесплоден?

От мадам-то у Эдуарда детей не было, зато была внебрачная дочь от другой молодой француженки, с которой он познакомился в студенческие годы в Женеве. История даже попала в газеты, и разгневанный король Георг III фактически сослал сына в Гибралтар на военную службу. Историки установили личность юной пассии принца и выяснили, что в декабре 1789 года она умерла родами, произведя на свет младенца женского пола, нареченного Аделаидой Викторией Августой и отданного на попечение сестре покойницы, которой Эдуард затем выплачивал денежное содержание вплоть до 1832 года.

Эдуард был убежден, что он – первый мужчина своей пассии. Однако Молли Гиллен собрала убедительные свидетельства того, что Тереза Бернардин не была девицей в момент знакомства с герцогом Кентским. Она была куртизанкой высшего класса – умение предохраняться входило в число ее профессиональных навыков. Но трудно избежать искушения забеременеть, когда твой любовник – лицо королевской крови. Как бы то ни было, никаких сведений о ее беременностях не сохранилось.

«Надеюсь, мне достанет сил исполнить мой долг», – писал Эдуард Кентский другу накануне свадьбы с герцогиней Лейнингенской. Ситуация в вопросе о наследнике была острой. Первое венчание состоялось в Кобурге 29 мая 1818 года, после чего молодожены отправились через Брюссель в Лондон, где 11 июля

состоялась повторная церемония. После этого супруги прожили два месяца в Лондоне, в Кенсингтонском дворце, но Виктории никак не удавалось забеременеть. В сентябре пара вернулась в Аморбах. Там герцогиня наконец зачала. Но Эдуард решил, что его ребенок должен родиться на английской земле. Парламент выдал ему только шесть тысяч фунтов из обещанных 25. Герцогу пришлось одалживать деньги на обратную дорогу. Не имея возможности нанять кучера, он сам сел на козлы экипажа, набитого до отказа, – в нем поместились его жена, его падчерица, сиделка, горничная, две комнатные собачки и клетка с канарейками. Во второй карете ехали прислуга, доктор и акушерка мадам Сибольд. Некая английская путешественница не поверила своим глазам, увидев где-то на европейском проселке этот «обшарпанный караван» с принцем на кучерском месте.

Будущая королева Виктория появилась на свет совершенно здоровым и, вероятно, доношенным ребенком. Это значит, что зачата она была, скорее всего, в Англии в августе 1818 года. Этот период жизни герцога и герцогини Кентских довольно подробно описан в «Придворных известиях». Так, например, с 6 по 12 августа они гостили в Клермон-Хаус у брата герцогини Леопольда. Именно 12-го было объявлено о беременности герцогини Августы Кембриджской – ее ребенок мог

были приняты при дворе. Так вот, герцогиня Кентская всякий раз реагировала на их появление с демонстративным осуждением – она немедленно покидала помещение и говорила знакомым, что никогда не допустит, чтобы ее дочь общалась с «бастардами», ибо как в таком случае научить ее отличать порок от добродетели? Уж не срабатывал ли в этом случае фрейдистский механизм моральной компенсации за собственный грех?

Светский мемуарист Чарльз Гревилл, автор множества тонких наблюдений, входящий в силу происхождения и по долгу службы (он был клерком Тайного совета) в Букингемский дворец при трех монархах, не сомневался, что у герцогини есть любовник и что любовник этот – сэр Джон Конрой.

Гревилл пришел к этому выводу на основа-

добающей ситуации, стала приставать с расспросами к баронессе, а та не выдержала и нарушила обет молчания.

Веллингтон предполагал, что та же участь ждет и Луизу Лецен – любимую гувернантку наследницы. Эта гипотеза косвенно подтверждается письмом Леопольда, в котором он пишет Лецен: «Не прояви я твердость, вы последовали бы за баронессой Спэф».

Виктория называет Конроя в своем дневнике «чудовищем» и «дьяволом во плоти». Когда в 1839 году, уже будучи королевой, она обнаружила, что фрейлина ее матери Флора Гастингс, судя по всему,

НАСЛЕДНИК РОССИЙСКОЙ КОРОНЫ АЛЕКСЕЙ С МАТЕРЬЮ АЛЕКСАНДРОЙ ФЕДОРОВНОЙ

будущий Вильгельм IV, – вы... л двух шлюх. Надеюсь, ничего не подцепил». О герцоге Кумберлендском говорили, что он, возможно, отец ребенка своей незамужней сестры Софии.

В пользу легитимного происхождения Виктории говорит ее портретное сходство с герцогом Кентским и его отцом королем Георгом III: то же круглое лицо со срезанным подбородком, тот же мясистый нос, те же пухлые губы бантиком, высокий выпуклый лоб и голубые глаза. Кроме того, нет никаких свидетельств наличия в окружении герцогини Кентской гемофилика, подходящего для адюльтера. Поэтому версия мутации гена при всей ее маловероятности остается в силе.

Картину искажает и усложняет другой генетический дефект – порфирия, терзавшая британский королевский дом на протяжении столетий, начиная с Марии Стюарт. Порфирия, или порфириновая болезнь (от греческого porphyra – пурпурный), – редкое наследственное заболевание, выражающееся в нарушении механизма синтеза порфиринов (пигментов). Промежуточные продукты синтеза скапливаются во внутренних органах и тканях, особенно в печени, и причиняют сильные мучения, а затем выводятся из организма с мочой и калом, окрашивая их в пурпурный цвет.

Порфирией страдал сын Марии Стюарт Иаков I и его сын принц Генри, которого недуг свел в могилу. Эта болезнь была причиной бесплодия королевы Анны, правнучки Иакова I, из-за чего престол перешел к Ганноверскому дому – правнуку Иакова Георгу, курфюрсту Ганноверскому, взошедшему на престол под именем Георга I; от него порфирия передавалась дочери Софии Доротее, которая вышла замуж за короля Пруссии Фридриха Вильгельма I Гогенцоллерна и стала матерью Фридриха II Великого, а по мужской линии болезнь добралась до Георга III, деда королевы Виктории. Симптомы порфирии наблюдались и у принца-регента, впоследствии Георга IV, а возможно, и у его жены королевы Каролины, праправнучки Фридриха Вильгельма I. Если это так, то их единственная дочь принцесса Шарлотта получила ген порфирии сразу по обоим линиям. Порфирией был болен и отец королевы Виктории Эдвард Кентский, однако на нем болезнь чудесным образом прекращается: ею не страдали ни сама Виктория, ни кто-либо из ее многочисленного потомства. Правда, согласно современным исследованиям, ею болела внучка Виктории, сестра кайзера Вильгельма II Шарлотта, передавшая его своей единственной дочери Феодоре, но она могла унаследовать ген порфирии по мужской линии – от своего отца Фридриха III. Недавно появились сообщения о том, что порфирией страдали также Вики – супруга Фридриха III, старшая дочь королевы Виктории, и праправнук Виктории, кузен нынешней королевы принц Уильям Глостерский, разбившийся в 1972 году на самолете, которым он сам управлял. Однако эти сведения ненадежны.

ГЕН, УНИЧТОЖИВШИЙ РОССИЮ

Мать Николая II, императрица Мария Федоровна была дочерью короля Дании Кристиана IX и в девичестве звалась Дагмарой. Ее старшая

СЛЕВА: ГЕОРГ V И НИКОЛАЙ II. В ЦЕНТРЕ: ЦЕРЕМОНИИ ИХ КОРОНАЦИИ.

стать наследником престола, если бы брак Эдуарда и Виктории оказался бездетным. Интересно, что в тот же день супруги вернулись к себе в Кенсингтонский дворец; Леопольд же отправился с поздравлениями в дом герцога Адольфа Кембриджского, а вечером приехал к Кентам на обед. Трудно предположить, что после проведенных вместе шести дней у них была иная тема разговора, помимо возможного наследника.

Безутешный молодой вдовец Леопольд далеко еще не поставил крест на своих амбициях. Едва не превратившись, волею судьбы и благодаря собственной настойчивости и авантажной внешности, из заштатного немецкого принца в отца наследника британской короны, он питал теперь надежды на брак своей сестры, которому всячески содействовал; мудрый дядя при венценосном племяннике или племяннице – тоже недурное амплуа и хороший шанс заполучить один из европейских тронов (этот план полностью оправдался). Что, если сестра сообщила ему о бесплодии герцога? Смирился ли бы Леопольд с крахом радужных надежд? Впрочем, и сама Виктория была дама опытная и в особом благочестии не замеченная. Конечно, вероятность того, что ее внебрачным партнером оказался гемофилик, невелика. Но она все же гораздо выше, чем вероятность генной мутации.

КОМПЛЕКС БАСТАРДА

В характере Виктории Кентской была одна резко выделяющаяся черта, о которой упоминают мемуаристы. Внебрачные дети герцога Вильгельма Кларенского от Доротеи Джордан, общим числом 10 человек, после восшествия своего отца на престол получили фамилию Фитцкларенс и дворянские титулы и с полного согласия и одобрения королевы Аделаиды

нии двух обстоятельств: общеизвестной ненависти королевы Виктории к управляющему именем своей матери и необъяснимого и внезапного удаления в 1829 году из Кенсингтонского дворца баронессы Спэф, служившей герцогине Кентской компаньонкой четверть века, – выглядело это так, будто баронесса разгласила некие интимные тайны дома Кентов. Баронесса находилась в одной из карет «обшарпанного каравана» во время спешного возвращения семейства из Германии в Англию (Виктория была на седьмом месяце беременности). Она оставалась в доме после смерти герцога. Но когда будущей королеве Виктории было 10 лет, баронессу вдруг отослали к черту на куличики – в Лангенбург: она стала фрейлиной единственной сестры наследницы британского престола принцессы Феодоры. Об этой отставке или, если угодно, ссылке много говорили в свете. Герцог Веллингтон, комментарий которого записан Гревиллом, предполагал, что юная Виктория застала мать и Конроя в непо-

на сносях, первым, кого она обвинила, был Джон Конрой. 32-летняя незамужняя леди Флора прошла медицинский осмотр и доказала, что она девица, – выпуклость живота была следствием брюшной водянки, от которой она и скончалась в том же году. Репутации королевы был нанесен сильнейший удар, публика бросала в ее карету тухлые яйца; скандал послужил одним из поводов отставки премьер-министра лорда Мельбурна. Как знать – быть может, и показное благочестие Виктории, наложившее неизгладимый отпечаток на всю эпоху ее 62-летнего правления, было следствием если не точного знания, то подозрений в незаконности своего происхождения?

В отличие от викторианской эпохи, предшествовавшая ей эпоха регентства исповедовала гедонизм, легкие нравы и необременительные моральные стандарты. В Королевском архиве сохранилась записка герцога Кларенского Вильгельма старшему брату, принцу-регенту. «Давешней ночью, – пишет

сестра Александра была замужем за британским монархом, старшим сыном королевы Виктории Эдуардом VII. Таким образом, будущий царь и сын Эдуарда, впоследствии король Георг V, приходились друг другу двоюродными братьями; они были так похожи, будто были не кузенами, а однояйцевыми близнецами. Сходство забавляло и их самих, и всех родственников: Николай и Георг носили усы и бороды одинакового фасона и часто фотографировались вместе.

В июне 1884 года вторая дочь королевы Виктории Алиса Гессенская выдала старшую дочь Элизабет за великого князя Сергея Александровича, дядю Николая; она приняла православное крещение и стала называться Елизаветой Федоровной. На их свадьбе в Петербурге 16-летний Николай и увидел впервые 12-летнюю сестру невесты – Александру, или Алику, как звали ее в семье.

Когда Алику было шесть лет, вместе с сестрами и матерью она заболела дифтерией; сама поправилась, но мать и самая младшая сестренка Мэри двух лет от роду умерли. Алику не только осиротела, но и осталась самым младшим ребенком в семье великого герцога Гессенского Людвига IV. Это событие наложило неизгладимый отпечаток на характер Алики: из вечно смеющегося, беззаботного ребенка она превратилась в существо замкнутое, упрямое и вспыльчивое. Внучку взяла к себе на воспитание королева Виктория. Никто не знал, что покойница мать была носителем гена гемофилии и что Алику стала носителем тоже.

В апреле 1894 года в Кобурге, куда по случаю свадьбы брата Алики Эрнеста и его двоюродной сестры Виктории Мелиты (она была дочерью второго сына королевы Виктории герцога Альфреда Эдинбургского и великой княгини Марии Александровны, дочери императора Александра II) съехались венценосные особы со всей Европы, между наследником русского престола и внучкой королевы Виктории произошло объяснение. «Говорили до 12 часов, – записал Николай в своем дневнике, – но безуспешно: она все противилась перемене религии, она, бедная, много плакала...» Там же, в Кобурге, было объявлено о помолвке. Подготавливая династический брак, в Лондоне и Санкт-Петербурге взвешивали политические последствия. О последствиях генетических не подумал никто. Лишь в 1913 году, когда Николай задумал выдать свою старшую дочь Ольгу за румынского кронпринца Кароля, его мать – она была другой дочерью Альфреда Эдинбургского – решительно воспротивилась затее именно на этом основании.

Дальнейшее известно: гемофилия настигла единственного сына императора царевича Алексея. И на целом свете был только один человек, способный облегчить страдания наследника, – Григорий Распутин. О том, что Алексей тяжело болен, и о силе распутинских чар за пределами узкого семейного круга никто не знал.

О том, что ребенок болен гемофилией, и он сам, и его родные обычно узнают тогда, когда он учится ходить, а значит – падает и набивает шишки. Для гемофилика каждое такое падение может закончиться трагически. Царица прекрасно знала, что такое гемофилия: ею страдал ее брат Фредерик Уильям. Мальчику было три года, когда он выпал из окна первого этажа. Он не сломал ни единой кости и не получил серьезных травм, но в тот же вечер скончался, как дядя Леопольд, от кровоизлияния в мозг. Гемофиликами были два племянника Алики – дети ее сестры Ирен.

Необходимость скрывать тайну дома Романовых повлекла за собой изоляцию царской семьи, ее вынужденное затворничество. Атмосфера, создававшаяся в результате при императорском дворе, во многом стимулировала тот кризис власти, который привел к втягиванию России в Первую мировую войну, последующим революциям и краху российской государственности.

ЧУМА НА ВСЕ ВАШИ ДОМА

Бойкий дядюшка Леопольд и на бельгийском троне продолжал, как заправская сваха, устраивать судьбы своих родственников. Когда в 1835 году неожиданно умер муж королевы Португалии Марии II, Леопольд спешно снарядил в дорогу своего племянника Фердинанда. Дельце выгорело – племянник стал королем-консортом. Мария родила ему 11 детей и в 1853 году скончалась; Фердинанд превратился в регента при малолетнем короле своем сыне Педро.

Гораздо менее удачной была другая затея Леопольда. Он выдал дочь Шарлотту за авст-

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА С МУЖЕМ И ДОЧЕРЬМИ (1937 ГОД)

ЕЛИЗАВЕТА II

рийского эрцгерцога Максимилиана, который в 1864 году был провозглашен императором Мексики. Но мексиканцы не оценили проект – они казнили новоявленного монарха; Шарлотта вернулась домой и лишилась рассудка; остаток жизни она провела в уединении.

Наконец, Леопольд принял живейшее участие в устройстве брака своей внучатой племянницы и молодого короля Испании. Речь идет о потомстве Беатрис, младшей дочери королевы Виктории. Она была сильно привязана к матери и вышла замуж лишь в 28 лет за принца Генриха Баттенберга, но и в замужестве продолжала жить с Викторией. Когда королева стала гложуть, Беатрис читала ей вслух государственные бумаги. В 1896 году ее муж умер от лихорадки в Западной Африке. К этому времени Беатрис успела родить от него трех сыновей и дочь.

Как и ее старшая сестра Алиса, Беатрис была носителем гена гемофилии. Болезнь передалась двум сыновьям, один из которых

истек кровью на операционном столе, а другой скончался от ран, полученных в сражении под Ипром. Носителем дефектного гена стала дочь Беатрис, Виктория Евгения. Ее-то и выдали за короля Альфонсо XIII, которым в то время едва исполнилось 20 лет. Брак этот оказался несчастлив. Гемофиликом родился их старший сын Альфонсо. Следующий, Хайме, появился на свет глухонемым. Третий умер при рождении – ему не успели дать имя. Гемофиликом оказался и пятый сын, Гонзало. Испанцы особенно чувствительны к вопросам крови – именно им принадлежит выражение «голубая кровь». В народе циркулировали зловещие слухи, что в королевском дворце ежедневно убивают по одному молодому солдату, дабы свежей кровью поддержать жизнь больных принцев.

После начала в 1931 году республиканского мятежа Альфонсо XIII покинул страну, но отрекся от престола только в январе 1941 года, за полтора месяца до смерти. Его сыновья, обвинявшие в своих недугах мать, искали

забытья в вихре развлечений, беспрестанно меняя гоночные машины и женщин. Дон Альфонсо женился на кубинке без отеческого благословения, но спустя четыре года развелся, второй брак, с кубинкой же, продолжался всего полгода. В сентябре 1938-го в Майами Альфонсо ехал в машине с певицей ночного клуба. За рулем сидела дама. Автомобиль врезался в телеграфный столб. Альфонсо поранился не сильно, но умер от потери крови. Детей у него не осталось – эта ветвь заглохла еще при жизни Альфонсо III. Второй брат, глухонемой Хайме, тоже был женат дважды и произвел на свет двоих сыновей, ни один из которых гемофилией не страдал. Еще в 1933 году Хайме отказался от своих прав на испанский престол. После смерти отца он унаследовал от него титул герцога Анжуйского и стал одним из законных претендентов на французский трон.

Дело в том, что потомки короля Луи Филиппа I, графы Парижские, которые обычно признаются претендентами, наследуют трон не по прямой линии – они происходят от брата Людовика XIV, герцога Филиппа Орлеанского. А испанские Бурбоны – прямое потомство внука Людовика XIV, герцога Филиппа Анжуйского, который взошел в 1700 году на испанский трон под именем Филиппа V. После смерти Хайме в 1975 году титул и право наследования перешли к его старшему сыну Альфонсо, который погиб в 1989 году, катаясь на горных лыжах в штате Колорадо. Старший сын Альфонсо, дон Франсиско умер в возрасте 12 лет, поэтому титул герцога Анжуйского и Бурбонского носит сейчас его младший брат, Луис Альфонсо.

Пятый сын Альфонсо XIII, Гонзало, погиб в 1934 году в Австрии тоже в результате несчастного случая. Он ехал в автомобиле, которым управляла его старшая сестра Беатрис. В результате аварии дон Гонзало получил не опасные для жизни травмы, но, будучи гемофиликом, скончался от кровотечения. И лишь четвертый, Хуан, родился здоровым. Именно он стал отцом короля Испании Хуана Карлоса I.

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ...

Для того чтобы точно установить происхождение королевы Виктории, необходима экспертиза ДНК. Букингемский дворец не комментирует публикации на эту тему – ясно, что об эксгумации останков Виктории не может быть и речи. Некоторые из ее ныне здравствующих потомков могли проходить генетическое исследование – результаты такого анализа можно было бы сравнить с результатами анализа ДНК представителей других ветвей Ганноверского дома. Но эти сведения составляют не только врачебную, но и, по всей видимости, государственную тайну.

Историк Джон Рель и биохимик Мартин Уоррен, занимавшиеся изучением случаев порфирии среди британских монархов, в свое время добились от властей Тюрингии, тогда еще социалистической, разрешения на вскрытие могилы принцессы Феодоры, племянницы кайзера Вильгельма, а потом в Польше эксгумировали и могилу ее матери Шарлотты. Но полученного генетического материала для выяснения вопроса об отце Виктории мало.

Если предположить, что Виктория – внебрачный ребенок, то тогда все ее прямые наследники (а после Виктории корона к боковым ветвям не переходила), включая нынешнюю королеву, не вправе занимать британский трон. Права на него не имеют ни принц Чарльз, ни его дети Уильям и Генри. Кто же должен был унаследовать престол после Леопольда IV и кто должен быть королем Великобритании сегодня?

Если бы Виктории было отказано в праве наследования, корона Британской империи перешла бы к ее дяде, герцогу Кумберлендскому Эрнсту Августу. От брата Вильгельма он унаследовал титул короля Ганновера, который не передавался по женской линии, и вступил на ганноверский престол в 1837 году под именем Эрнста Августа I. С этого момента на Британских островах ганноверская ветвь пресеклась. Прямой потомок герцога Кумберлендского, тоже Эрнст Август Ганноверский, – муж принцессы Каролины Монакской, старшей дочери князя Ренне III.

Нам остается лишь повторить вслед за булгаковским персонажем: «Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире».

НЕПУТЕВЫЕ

Таисия БЕЛОУСОВА

Специально для «Совершенно секретно»

От брака с Екатериной Ивановной Нарышкиной Кирилл Разумовский имел пять дочерей и шесть сыновей. Но только старший сын Алексей порадовал отца двумя внуками. Алексей вместе с братьями учился в специально созданном для них «институте», где им преподавали адъюнкты Санкт-Петербургской Академии наук. В 16 лет продолжил учебу в Германии, Англии, Италии. Через четыре года вернулся в Россию вольтерьянцем и либералом. В качестве камер-юнкера служил при дворе Петра III, затем Екатерины II. Будучи признанным щеголем, он тратил огромные деньги на наряды. Однажды, получив счет на 20 тысяч рублей за камзолы и парики, отец попытался отчитать первенца. Но тот гордо заявил: «Вы сын простого казака, а я сын русского фельдмаршала». Смолоду Алексей свысока смотрел на всех смертных, гордясь своим «царским» происхождением (мать его была внучатой сестрой императрицы Елизаветы).

Желая образумить Алешку, в 1744 году Кирилл Григорьевич женит его «на первой в тогдaшнее время по богатству и знатности русской невесте» Варваре Петровне Шереметевой. 24-летняя красавица-жена принесла мужу 44 тысячи душ крестьян и богатые пензенские вотчины.

«Человек гордыни непомерной...»

В 1775 году Алексей Разумовский был пожалован в действительные камергеры, но служить ему было лень. А потому в 1778 году он вышел в отставку и поселился с семьей в подмосковном имении Горенки. В отличие от отца, который, задавая пиры и балы, сердечно был рад гостям, Алексей не любил ни соседей, ни родственников, не желал общаться со знакомыми, предпочитая вести отшельническую жизнь во дворце, убранном с царской роскошью. Увлекался ботаникой и минералогией, покровительствовал ученым Московского университета, организовывал экспедиции по всему миру с целью пополнения минералогической коллекции и поиска посадочного материала – граф разводил экзотические растения. Современники утверждали, что в Горенках были собраны «сокровища природы из всех стран света», а его богатейшие оранжереи были лучшими в Европе.

«В числе самых редких должно заметить винтообразную пальму, драконову кровь, ямайский кедр, бамбук, американское масличное дерево. Большая часть растений расположена в семи отдельных корпусах, заключающих шестнадцать оранжерей, из коих одиннадцать разных температур и пять теплиц. Здесь переходил из Африки

КИРИЛЛ ГРИГОРЬЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ ВОЗВЫСИЛСЯ ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ ВО МНОГОМ БЛАГОДАРЯ БРАТУ АЛЕКСЕЮ – ФАВОРИТУ ИМПЕРАТРИЦЫ

в Азию, из тропиков одним шагом очутиться у полюсов!» – восторгался историк и путешественник П. П. Свиньин.

«Растения он любил больше, чем собственных детей» – так отзывались о Разумовском современники. Детей у Алексея Кирилловича было четверо – два сына и две дочери. Дед – Кирилл Григорьевич, несказанно обрадованный рождением внуков Петра и Кирилла, сразу позаботился об их будущем: с младенчества они были зачислены в состоящий под его началом Измайловский полк. Возможно, казацкому роду и не было бы перевода, как хвалился Кирилл Григорьевич, если бы в 1785 году Алексей не вздумал развехаться с женой.

Будь Варвара Петровна великосветской львицей или рачительной хозяйкой, разделяя она увлечения супруга естественными науками, быть может, они и ужились бы. А она как на грех была женщиной простоватой и робкой, беспомощной и нерешительной, суеверной и богобоязненной. Муж – безбожник, мистик и масон, «человек гордыни непомерной» – имевший тяжелый характер, суровый и

вспыльчивый нрав, отобрал у жены детей «во избежание дурного нравственного влияния».

Семилетнюю Варю и двухлетнюю Катюшу граф поручил заботам своей сестры – графини Прасковьи Гудович. К девятилетнему Петру и четырехлетнему Кириллу приставил иностранцев-гувернеров. А себе завел «метрессу подлого происхождения» – дочь берейтору Марию Михайловну Соболевскую (по мужу Денисьеву), которая впоследствии родила ему десятерых детей, получивших фамилию Перовских.

Что до Варвары Петровны, то поначалу ее опекал родной брат Николай Петрович. А после его кончины в 1809 году она осталась одна.

«Отдаленная против воли от нежнолюбимых детей, эта бедная, несмотря на свои шестнадцать тысяч душ, женщина окружила себя фаворитками, воспитанницами, калмыками и калмычками, вольноотпущенными обоюбого пола, бедными дворянками и разного рода приживалками и приживателями. От общества графиня совершенно отказалась и кроме детей

(став взрослыми, посещали ее только дочери. – Т. Б.) и самых близких родственников почти никого не принимала... Огромный дом Варвары Петровны, содержащийся в крайнем беспорядке, грязный, душный, натоппенный как баня и никогда не проветриваемый, набит был великолепным шереметевским серебром и всякими драгоценностями, доставшимися графине от отца и свекра», – вспоминали современники.

БЕГЛЕЦ ПЕТР

В 1786 году императрица Екатерина произвела Алексея Разумовского в тайные советники и назначила сенатором. В Санкт-Петербург граф переехал вместе с сыновьями, но их жизнью он совершенно не интересовался. За что и поплатился.

Первым преподнес сюрприз Петр. Мальчик, воспитанный как француз, бегло говоривший на нескольких иностранных языках, охотно изучавший физику и математику, историю и философию, в 12 лет неожиданно сбежал из дома. Отыскивали его в семье разносчика, где он «трудом добывал себе скудное пропитание». По приказу отца Петра примерно наказали и водворили в классы. Но спустя короткое время тот снова сбежал. На этот раз его нашли в жуткой хибаре бедного работника. Было еще несколько побегов, но все они заканчивались одним и тем же – отловом беглеца и возвращением его в роскошный отцовский дворец. Ни разу отец не дал себе труда выяснить причину этих побегов.

В 1789 году, по достижении четырнадцати лет, Петр исчез на два года. Время от времени Алексею Кирилловичу доносили о том, что Петра видели на ярмарках в разных городах: то он кочевал с цыганским табором, занимаясь конокрадом, затем связался с шайкой воров. Но граф не предпринял ни единой попытки вернуть блудного сына, он решительно вычеркнул его из своей жизни. О непутевом Петре душа болела только у деда Кирилла Григорьевича, считавшего, что быть молодцу не в укор.

Используя свои связи, дед отыскивал Петра, и после крупного разговора тот приступил к службе в Измайловском полку. Год он тянул военную лямку в Петербурге, а потом сорвался: закутил, стал швыряться деньгами, играть в карты. Страсть к игре ему досталась, видимо, от деда, которого современники характеризовали как «ночного картежника и дневного билиардиста».

Какое-то время карточные долги Петра оплачивал дядя – Николай Петрович Шереметев. Но Петр вновь ввязался в карточный стол. Проиграв в очередной раз крупную сумму, он бежал за границу.

В Вене под чужой фамилией юноша устроился конюхом... к своему родному дядьке – Александру Кирилловичу Разумовскому, российскому посланнику в Австрии. Но долго у него не задержался. Принялся бродяжничать по Европе. Время от времени принимался за работу – ухаживал за лошадьми, выращивал пшеницу и овощи, а в Париже устроился сторожем в «веселый» (читай, публичный) дом. Но позже в монографии «Семейство Разумовских» их родственник Васильчиков сообщит, что с 1793 по 1795 год Петр слушал лекции в Геттингене...

ПОТОМКИ

МОДНЫЙ ПОРОК

Граф Алексей Кириллович Разумовский в 1795 году ушел в отставку и вернулся к себе в Горенки. По одной версии, отставка была продиктована несогласием с предложенным императрицей законом, по другой – он обиделся из-за того, что его не назначили министром коммерции. Но вероятнее всего, отъезд графа из столицы был связан со скандальным поведением младшего сына.

Долгое время Кирилл не доставлял отцу беспокойства. Умный и способный мальчик старательно учился и радовал окружающих примерным поведением. Отцу и в голову не приходило, что француз-гувернер увлек мальчишку модным в ту пору мистицизмом. Занимаясь столоверчением и вызовом духов по ночам, Кирилл настолько уверовал в существование привидений, что стал их... видеть. Но это было лишь полбеды. Настоящая беда пришла в 1794 году, когда 14-летний камергер Кирилл Разумовский появился при дворе императрицы Екатерины II.

«Тогда между молодыми и зажиточными людьми был в большой моде разврат, и молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих сотоварищей...» – писал М.И. Пыляев.

Кирилл, опекаемый французом-гувернером, повел жизнь «распутную и развратную». Окружил себя нахлебниками и льстецами, в обществе которых устраивал пьяные оргии. Когда слухи о гомосексуальных наклонностях и связях Кирилла дошли до отца, тот закатил сыну страшный скандал, закончившийся изгнанием красавца-гувернера.

Реакция подростка была жуткой: истерика сменялась слезами, те – небывалой яростью, а потом он буквально остолбенел. Врачи, приглашенные отцом, обнаружили у него первые признаки помешательства. В 1796 году (по другой версии – в 1804-м) граф Разумовский отправил своего беспутного сына под присмотром камердинера за границу – для лечения или продолжения образования, история умалчивает.

ИЗ МОШЕННИКОВ В ПРОПОВЕДНИКИ

В 1795 году Петр, которому надоело скитаться по Европе, вернулся в Россию. Постаревший дед-фельдмаршал, все еще надеясь, что Петруша образумится, обратился к императрице с просьбой назначить внука к нему в штат генерал-майором. Та издала соответственный рескрипт. Но Петр в Москве, где проживал Кирилл Григорьевич, так и не появился.

Поселился он в Бессарабии, где стал предводителем шайки ловких мошенников. Разъезжая по южным ярмаркам, они продавали фальшивые виды на жительство и поддельные ассигнации, проворачивали различные аферы, да так удачно, что в течение пяти лет действовали совершенно безнаказанно.

В 1799 году граф-аферист, картежник и бабник, не веривший ни в Бога, ни в черта, неожиданно подался в религию: связался с северными старообрядцами, проживавшими в глухом скиту. И стал самым ярким поборником самосожжения, проповедуя идею ритуального самоубийства. Был ли он готов сам сгореть живо – осталось неиз-

У АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВИЧА БЫЛО ДВА СЫНА – ПЕТР И КИРИЛЛ, ОБА «СО СТРАННОСТЯМИ». ЮНЫЙ КИРИЛЛ ПОПАЛ К МАСОНАМ

вестным. Власти, обеспокоенные деятельностью секты, послали в раскольниковый скит воинскую команду, которая всех повязала.

Невзирая на заслуги деда Петра Разумовского сослали на покаяние в Соловецкий монастырь, служивший тюрьмой для еретиков, раскольников, вольнодумцев и разного рода государственных преступников. Здесь ему довелось испытать и холод и голод. Только в 1806 году – «по принесении полного раскаяния» – Петр Кириллович вышел на свободу. А чтобы в дальнейшем дурью не мучился, император Александр повелел отправить его к герцогу Ришелье в Одессу, чиновником по особым поручениям. Получив наследство, оставленное ему дедом (тот скончался в 1803 году), Разумовский отбыл на юг.

БЕЗУМНЫЙ ИЛЛЮМИНАТ

В том же, 1806 году в Россию возвратился из странствий по Шотландии, Англии и

Германии Кирилл Разумовский.

Следует сказать, что, отправив больного сына за границу, Алексей Кириллович более им не интересовался. Лишь исправно выделял ему содержание. Тем временем юный Разумовский попал к масонам из Ордена иллюминатов. По свидетельству современников, они «умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков – возбуждением страстей и средствами к их тайному удовлетворению». Провозглашая благородные задачи усовершенствования мира на справедливых основаниях, иллюминаты были готовы в своей борьбе использовать любые средства, в том числе и яды. Образованный Разумовский стал заниматься изучением ядов, их изготовлением и тому подобное. Принимал ли Кирилл участие в каких-то акциях иллюминатов – осталось тайной.

Вероятно, в какой-то момент планы иллюминатов переменились, и они задумали прибрать к рукам богатства Разумовских, для чего стали пичкать

Кирилла разными снадобьями. Он вдруг принялся пить как сапожник и допился до белой горячки, во время которой отчаянно буйствовал.

Когда летом 1806 года Кирилл принял решение вернуться на родину, отец приказал ему отправляться на жительство в пензенское имение Ершово, принадлежавшее Варваре Шереметевой.

После пересечения границы Кирилл ушел в запой. По дороге в Пензу ежедневно принимал какие-то таблетки, запивая их водкой, отчего совершенно обезумел – разгонял народ на постоянных дворах, ранил трех человек кинжалом (в том числе и верного камердинера), а также пытался застрелить из пистолета ямщика.

Слухи о бесчинствах Разумовского дошли до императора Александра I, и тот приказал взять буяна под стражу. В сентябре Кирилл был арестован и препровожден в Шлиссельбургскую крепость. В его аптечке нашли ядов «более, чем нужно для отравления целого полка». Только через два года врачи признали Разумовского больным. Как опасный умалишенный он был помещен в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где провел 16 лет. В монастыре Разумовский вел себя спокойно, брэнчал на гитаре и пел на разных языках. Лишь иногда, когда Кирилла посещали видения, он внезапно впадал в бешенство. Родные у него не появлялись.

МИНИСТР ПРОСВЕЩЕНИЯ

В 1810 году император Александр I назначил графа Алексея Кирилловича Разумовского министром народного просвещения. При нем были открыты знаменитый Царскосельский лицей, 24 уездных училища, несколько гимназий и 72 приходские школы.

Время изменило графа. Бывший безбожник, жестокосердный и равнодушный отец теперь горячо настаивал на введении в учебных заведениях преподавания Закона Божьего и отмене телесных наказаний. Имея за плечами горький опыт с собственными детьми, он писал императору о наблевшем:

«В отечестве нашем далеко простерло корни свои воспитание иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастает нередко под надзором людей, одною рукою собственной корыстью занятых, презирающих все не иностранное, не имеющих ни чистых правил нравственности, ни познаний... Следуя дворянству и другие сословия готовят медленную пагубу обществу воспитанием детей своих в руках иностранцев».

Министры сочли предложение графа об усилении надзора за иностранными гувернерами и гувернантками ошибочным, мол, граф сам на молоке обжегся, а теперь на воду дует. Но император встал на сторону Разумовского.

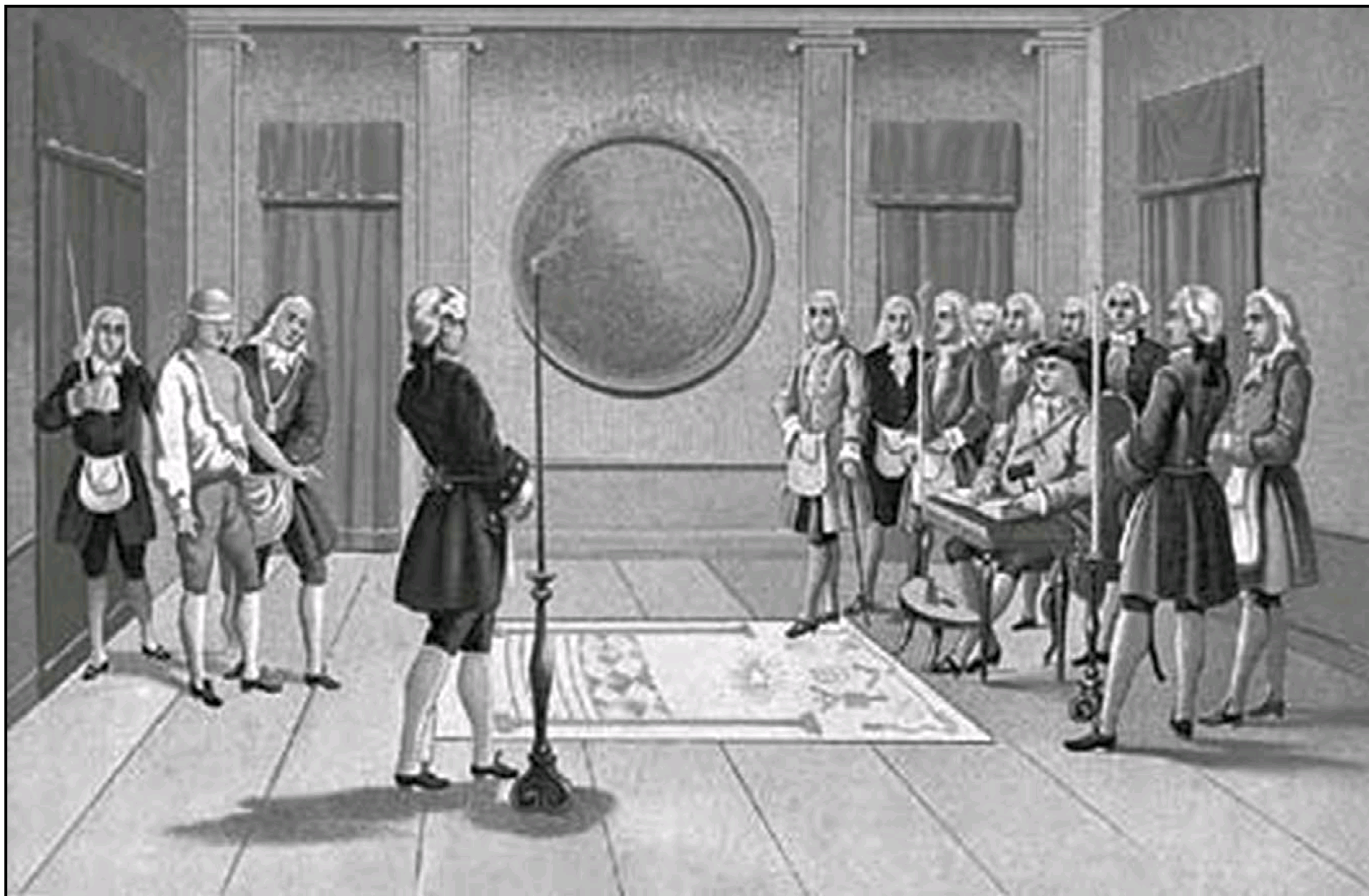
После войны 1812 года Разумовский к службе охладел. А затем, попав под влияние иезуитов, предложил преобразовать программу Царскосельского лицея, изъять из нее химию, философию, археологию, астрономию и иные науки. После чего под благовидным предлогом Разумовского отправили в отставку.

Скончался он весной 1822 года в Малороссии, в городе Почепе. Перед смертью он, видимо, простил сына Петра, оставив ему в наследство огромный дворец на Гороховом поле в Москве. Жена Варвара Петровна Шереметева пережила его на два года.

После кончины Алексея Кирилловича

МАСОНСКАЯ ИНИЦИАЦИЯ, КОНЕЦ XVIII ВЕКА

опекунам позволили забрать из Спасо-Евфимиева монастыря его младшего сына, чье психическое состояние к этому времени ухудшилось. В Харькове, где граф Кирилл прожил семь лет «полным идиотом», он и скончался.

ОПАЛЬНЫЙ КАМЕРГЕР

Что до отправленного в Одессу Петра, герцог Ришелье приветливо встретил опального камергера. Ему наверняка было известно бурное прошлое Разумовского. Чтобы оно не помешало Петру Кирилловичу начать новую жизнь, было объявлено, что тот вернулся в Россию «после долгого заграничного путешествия с целью поступить на государственную службу».

Какое-то время Разумовский помогал герцогу в закладке Дюковского парка, но более в Одессе для него работы не нашлось.

Тогда, купив на Молдаванке, в районе Водяной балки (оврага), огромный участок земли, Разумовский принялся его благоустраивать. По обе стороны балки возвел дворцы, похожие на итальянские виллы, а склоны превратил в прекрасный парк с перепутанными аллеями, беседками и павильонами. Под дворцами были устроены глубокие подземелья, а из них – несколько подземных ходов. По одному из них можно было пройти из одного дворца в другой; остальные вели в лабиринты заброшенных одесских каменоломен.

Украшив свои дворцы картинами и скульптурами, собрав огромную библиотеку, граф зажил в имении в окружении многочисленной челяди и любовниц, которые его нещадно обворовывали. Общался он только с герцогом Ришелье. А когда тот в 1814 году уехал во Францию, Разумовский прекратил выходить за пределы своей усадьбы, предпочитая общаться с птицами. (В одном из дворцов он приказал сделать две стеклянные стены, за которыми устроили огромные вольеры для экзотических птиц.)

Временами Петр Кириллович отправлялся жить в дворцовые подземелья.

УСАДЬБА РАЗУМОВСКИХ

Здесь находилась его любимая комната, убранный с «азиатской» роскошью, куда слугам и любовницам под страхом смерти вход был запрещен. В определенном месте граф оставлял записки для слуг, которые доставляли сюда все потребное. Так он прожил 21 год. Даже для получения наследства, оставленного отцом и матерью, он не счел нужным поехать в Москву. Два великолепных дворца, забитых ценностями, за гроши отошли заимодавцам.

18 июля 1835 года Петр Кириллович

Разумовский скончался, выпустив перед смертью на свободу своих любимых птиц.

Одесситы, пришедшие поглазеть на загадочного затворника, увидели гроб, покрытый «непроницаемой кисеей». Поползли слухи, будто бы граф скончался в своем любимом подземелье, но пока слуги осмелились туда спуститься, лицо графа повредили крысы.

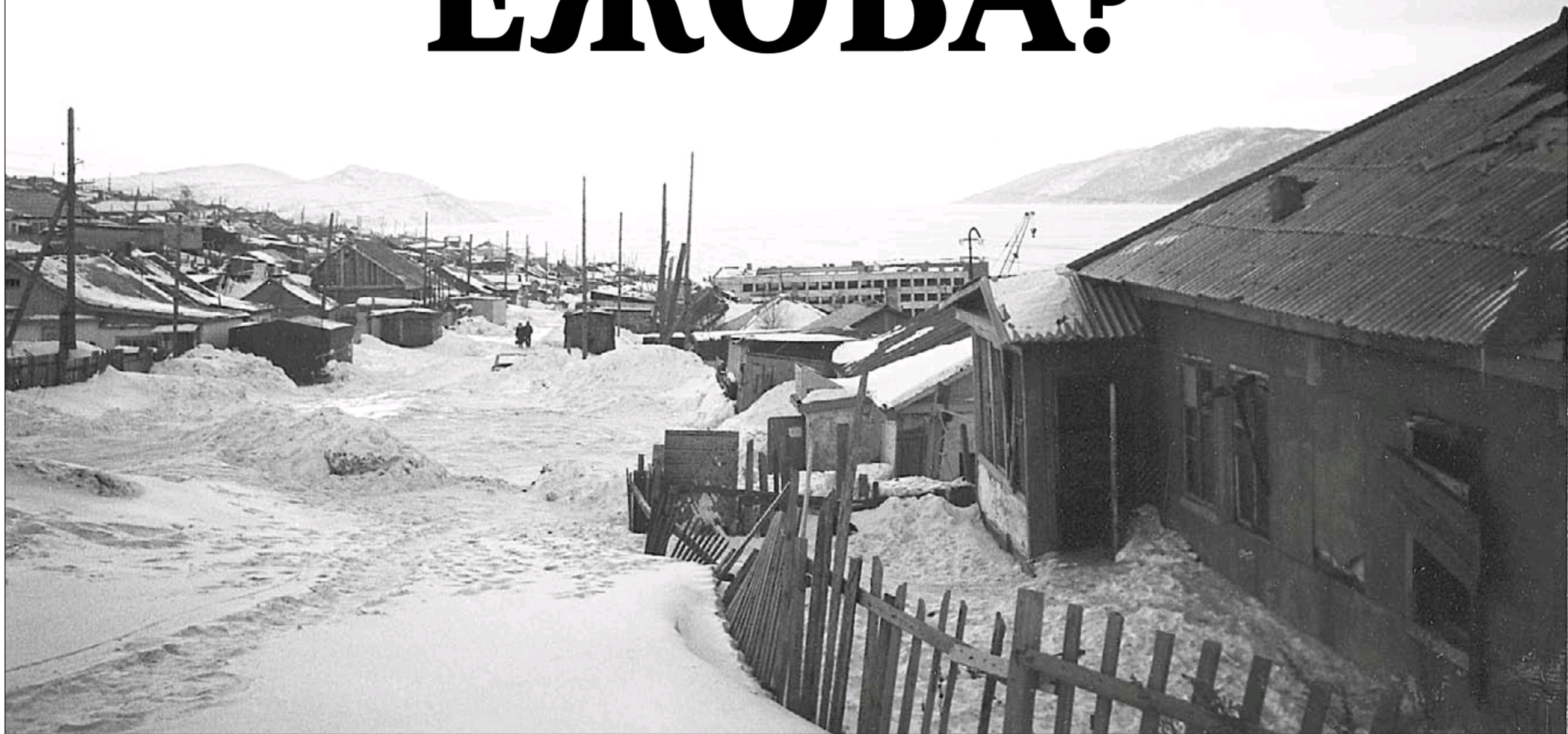
Петербургская и московская знать наличие кисеи объясняла по-своему: непутевый Разумовский в очередной раз выкинул коленце – выдал чье-то тело за свое, сам

бежал в Турцию со всеми богатствами, оставив заимодавцев с носом. Но вероятнее всего граф приказал накрыть гроб тканью, зная, что к нему сбежится любопытная толпа.

Похоронили действительного камергера графа Петра Кирилловича Разумовского на Старом христианском кладбище Одессы. Сто лет опавшую листву с его могилы сметали перед Пасхой лишь сердобольные старушки. А в 1930-е годы на месте кладбища были устроены парк культуры и отдыха и зоопарк...

РЕАБИЛИТИРУЮТ ЛИ ЕЖОВА?

КОЛЫМСКИЙ ПОСЕЛОК

Эрик ШУР

Специально для «Совершенно секретно»

СТРАНА ГЛУХИХ

Немой пел, и незрячие водили хоровод. А группа магаданских глухих плясала под аккордеон. Шел обычный межобластной смотр самодеятельности среди инвалидов «Смотри на меня как на равного».

Конечно, немой просто открывал рот под фонограмму. Глухие, конечно, не слышали музыки – бабушка-аккомпаниатор отстукивала им ногой ритм, а они улавливали его своим восьмым чувством. Бдительное жюри не дало приз глухим и бабушке, потому что сочло их профессионалами, то есть «не равными».

Если у бдительных членов жюри было бы даже сто восьмое чувство, они все равно бы не догадались, что жизнерадостная аккордеонистка второй группы инвалидности – дочь железного наркома НКВД Николая Ежова. Того самого, который в 37-м заставил замолчать и закрыть глаза сотни тысяч. Того, который подписывал смертные приговоры «врагам народа», находя их и в организациях глухонемых.

АПОРТ, ЕЩЕ АПОРТ

Тетя Нина была злая. Наташа никогда до этого не видела злых людей. Дома не то что подзатыльников не было, на девочку даже не прикрикивали никогда. Тетя Нина орала, потому что до Пензы ребенок во что бы то ни стало должен был запомнить свою новую фамилию. А Наташе эта фамилия казалась очень трудной, и она никак не могла ее выговорить.

Прошла ночь, потом день, они все ехали в пустом вагоне, а Наташу так никто и не покормил. Тетя Нина достала из сумки два яблока. Этот сорт девочка будет помнить потом всю жизнь – апорт. Красные такие. Положила на стол и сказала: «Скажешь свою фамилию, тогда съешь». «Ежова...» – сказала Наташа, не отрывая взгляда от яблок. И тогда тетя Нина врезала этой «дочке выродка» так, что у нее не то из губы, не то из носа пошла кровь.

В Пензе заведующая детдомом сразу спросила: ты, наверное, есть хочешь? Наташа очень обрадовалась, что фамилию больше никто не требует. На лавке за длинным деревянным столом она оказалась одна – детдомовцы уже поели. Перед ней поставили стакан компота и булочку, которую называли французской, и, конечно, очень вкусную. Наташа посмотрела по сторонам, на стол, и только теперь до нее дошло, что ее увезли из дома. Что она больше никого не увидит! И она разбила стакан, отшвырнула булку и рванула с этой кухни...

СКАЗКА СКАЗОК

Наташе было о чем вспоминать. И какая у них была дача в Мещерино, как там было красиво, и попугай этот Петька, который однажды спикировал девочке на голову и отрывать его пришлось вместе с кудрями.

Наташа всегда очень ждала, когда приедет папа. Тогда он подкидывал дочку, тут же спрашивал, сколько зубов, чем болела, пока его не было. Мама была редактором журнала «СССР на стройке», так что Наташей в основном занималась няня.

Папа учил Наташу кататься на лыжах. Иногда она убегала далеко в рощу, и тогда мама кричала: «Сейчас тебя цыгане поймают и украдут!» Мама вообще была строгая. С четырех лет девочку начали учить играть на пианино и даже завтракать не пускали, пока не позанимается. Папа маме в этом не перечил и за Наташу не заступался.

А папа очень любил петь. Народные песни, и больше всего «И за что я люблю тебя, эта тихая ночь...» И мама тоже напевала в саду. И к ним в гости приходил Маршак. К маме вообще ходили разные писатели – Бабель, Кассиль, например, – когда папы не было дома. А на Наташин день рождения приходили даже взрослые. Со Светланой Аллилуевой их сфотографировали вместе: на снимке Наташа очень довольная, потому что перед этим одной девочке сказала на горькую, что это мед.

И на другие дачи Наташу возили – к Орджоникидзе, к Молотову. А девчонка у Молотова Наташе не понравилась, потому что у нее была целая специальная комната для кукол в человеческий рост. Наташа бывала на даче и у Сталина. Няня еще спрашива-

ла: чего ты его боялась?

Дома играли с поваром в теннис, но если он выигрывал, то Наташе нужно было держать перья у павлинов, а они редко открывали хвосты и вообще кричали. Еще можно было играть в жмурки – так что однажды Наташа забежала в кабинет отца и, чтобы точно не нашли, спряталась за штору. А на подоконнике лежал альбом. Такой толстый, аккуратенький, с папиросной бумагой между страницами, чтобы фотографии не портились. И, конечно, Наташа не могла удержаться, чтобы его не открыть.

В альбоме были фотографии мертвых детей. С оторванными ручками. И не только. Много-много убитых детей.

Наташу трясло несколько суток, и никто не мог понять, в чем дело. И только когда она рассказала маме, дверь в кабинет стали всегда закрывать. Ее чуть ли не заколотили, эту дверь. Но Наташе все равно было страшно даже проходить мимо. Потому что ей казалось: детские трупы не в альбоме, а здесь, за дверью, мертвые дети прямо в кабинете отца.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Ежов Николай Иванович. В 1936-1938 гг. – народный комиссар внутренних дел СССР. За это время, по данным Д. А. Вол-когонова, репрессиям подверглось примерно 3,5 – 4

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ЕЖОВА

миллиона человек, из них 600 – 650 тысяч были расстреляны.

В 1938 г. Н. И. Ежов – народный комиссар водного транспорта. В 1939 г. арестован по обвинению в руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД СССР, в проведении шпионажа в пользу иностранных разведок, в подготовке террористических актов против руководителей партии и государства и вооруженного восстания против Советской власти. Приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР от 3 февраля 1940 года Ежов Н. И. был осужден к исключительной мере наказания. Расстрелян Ежов был на следующий же день.

Недавно в Генеральную военную прокуратуру пришло письмо от законной дочери Ежова, в котором она попросила рассмотреть дело отца на предмет реабилитации. Потому что и сегодня Николай Ежов считается иностранным шпионом и человеком, замышлявшим убийство Сталина.

На своем «процессе» Ежов сказал: «Есть такие преступления, за которые меня можно и расстрелять. Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина заключается в том, что я их мало почистил...» Сегодня никаких новых нюрнбергских процессов по делам культа личности, видимо, не предвидится – на них не хватит сил и двух поколений следователей. Но когда реабилитируют людей типа Ежова, их как бы судят по-новой: уже вмененные им старые статьи наполняют новым содержанием. Поэтому полной реабилитации Ежова не будет, но он может перестать быть, например, иностранным шпионом.

...В своем последнем слове Ежов попросил государство позаботиться о своей дочери. Закончил он, естественно, тем, что пообещал умереть с именем Сталина на устах.

ПОДРАНКИ

Сначала исчезла мама – няня сказала, что она уехала в командировку. Неожиданно девочку оставили в пустой квартире. Как нарочно, началась гроза, гром, ударила молния, и Наташа забилась в угол.

Потом ее привезли в детский сад, и дочь Ежова впервые увидела так много живых детей. Но их скоро всех забрали, какая-то чужая нянечка уложила Наташу спать, стала рассказывать ей сказку и почему-то плакать.

А Наташа подумала: чего это бабушка плачет – сказки всегда хорошо кончаются, я же знаю...

В пензенском дошкольном детдоме только одна воспитательница ни с того ни с сего могла взять Наташу за ноги и держать вверх тормашками. Конечно, эту «воспиталку» выгнали. Конечно, ей просто нравилось издеваться над детьми. Но только над Наташей она издевалась как над дочерью врага народа Ежова. Больше за это никого не наказывали.

В школьном детдоме взрослые уже не стеснялись удобрять Наташину жизнь по любому поводу чем-нибудь вроде «какие корни, такие отростки». Вытаскивали из строя и наказывали чаще за чужое, но всегда за то, что она дочь врага народа – и, значит, сама чужая. Судя по тому, что вытаскивали из строя только ее, больше таких в детдоме не было. И поэтому строй был против нее как один человек. Дети не говорили про «яблочко от яблони», они просто били и шипели: молчи, предатель! Наташа всегда заступалась за отца: «Нет, он не враг народа!» – и выпадала из строя окончательно. И поделиться было не с кем, и она все сильнее забивалась в угол, как тогда в московской квартире в грозу.

В Пензе сбылось мамино предсказание – девочку стащили цыгане. Сказали: «Наша!» – и накрыли рогожей. Наташа решила на помощь не звать. Не дождавшись ее к построению, взрослые занервничали: им было поручено перевоспитывать ежовских отпрыска, а за его потерю и самим можно было попасть на перевоспитание. А в таборе Наташу все считали своей и кормили ворованными курами. В войну это был деликатес, поэтому когда милиция нагнала табор, Наташа брыкалась, но с завоеванных позиций назад в детдом отступать не хотела.

В учебниках истории замарывали Якира, Блюхера, Ежова... Малолетние проводники генеральной линии с радостью рисовали им усы и всякую бяку. А Наташа все пыталась вырезать и сохранить портрет отца. Но только она где-нибудь в уголке садилась посмотреть на страничку с Ежовым, тут же как коршун налетала сзади директриса и рвала врага народа на мелкие куски.

Но Наташа выпросила-таки портрет наркома – у девочки-нищенки, которую выгнали из детдома вместе с ее учебником. И потом много лет прятала фотографию Ежова в самых дальних и совсем не исторических местах.

Во всем, что касалось отца, Наташа была как будто выкована из того же материала, что и «железный нарком и подлый предатель» Ежов. И она никак не сходила с ума и в могилу, хотя, наверное, сводили. В пятом классе от нее решили избавиться и определить в место, где с ума не сводят по определению. Но на решающем педсовете одна учительница заставила забыть коллег про то, чья Наташа дочь, и оставить в семилетке до последнего звонка.

Пианино в детдоме всегда было на замке. Допустили халатность, и Наташа стала наигрывать какую-то песенку, которую пальцы запомнили еще из той, предыдущей пьесы. Кто-то подошел сзади и положил руку на плечо. Наташа вздрогнула, потому что наказывали и не за такие музыкальные номера. Руководитель детдомовской самодеятельности сказал: продолжай... И ей даже разрешили бегать брать уроки музыки к какой-то женщине, которая не давала забыть то, что вспомнили пальцы. А еще в Пензе Наташа начала писать стихи. По пути из детдома в детдом она сочинила про то, как медленно они едут в свете фонарей. Фонарей там, конечно, и рядом не было, но в такие моменты исчезали куда-то и «дочь врага народа», и «предатель».

Когда Наташу принимали в комсомол, она знала ответы на все нужные вопросы, кроме того главного, что выкрикнули из зала: «Пусть скажет, где ее отец!» Парторг наклонился и спросил: «А ты знаешь?» «Не-а», – честно прошептала Наташа. «Она не знает!» – подвел черту парторг. С комсомолки градом катились слезы.

Может, вдруг задала сама себе вопрос парторг слишком всерьез, но она впервые решила написать на реабилитацию отца. Вряд ли своими письмами хотела вернуть фотографии Ежова на исторические места – скорее всего, просто надеялась, что сможет перестать прятать ту, единственную.

Секретарша показала на шкаф с круглой ручкой. В шкафу оказался тамбур, потом дверь, а за ней – приветливый человек в

штатском. Он спросил: «Зачем вы пишете? Его все равно не реабилитируют». Наташа ответила вопросом: а что вы вообще меня пасете? И тогда человек из шкафа объяснил: «Мы тебя оберегаем».

И тут же уточнил, что такие дети, как она, сильно обозлены на Советскую власть. Но Наташа поняла, что этот человек считает ее не будущим предателем, а просто своей, по какой-то нелепой случайности оказавшейся по ту сторону шкафа.

БЫЛА ЛИ ДЕВОЧКА?

В седьмом классе, прямо перед выпускными экзаменами, постриженная, как все детдомовцы, налысо Наташа гуляла в парке, когда ее вдруг окликнули: «К тебе приехали!» Как индеец, прокралась вдоль забора и из-за земляной груши разглядела на лавке незнакомую старушку в белом платочке. Бабушка повернулась и сказала: «Ой, ты моя кудрявая!» – и погладила Наташу по лысой голове...

Няня Марфа Григорьевна была единственным человеком в доме, которого боялся нарком Ежов. Она служила в няньках с двенадцати лет, и только в таких нерядовых семьях. Много лет после того, как ее воспитанница исчезла в неизвестном направлении, Марфа Григорьевна хлопотала по высоким кабинетам людей, которые с радостью доверили бы ей своего ребенка, но отказывались доверить даже адрес Наташи. Ходила к руководителю ВЦСПС, к заместителю Ворошилова, ходила за кем-то по пятам. Няне отвечали: забудьте. И человека, который выдал ей адрес пензенского детдома, за его доброту тут же посадили.

НАТАША С МАМОЙ. МОСКВА, 1938 ?

Когда-то Наташа даже есть отказывалась, если няни не было рядом. Теперь же девчонка обманывает, что пойдет в кино на шесть, а сама идет на восемь и два часа слушает оркестр в парке. А старушка стоит до десяти на улице и ждет. А когда няня просит сводить ее на базар, Наташа отрезала: «Не знаю, где он!» Хотя детдомовцы не могут не знать, где базар, – они тогда просто умрут. Няня намазывала ей огурцы медом, но Наташа не хотела и, наверное, уже не умела не быть дикарем.

Перед ремесленным училищем Наташе дали отпуск. Несмотря на запрет посещать Москву до восемнадцати лет, она приехала к няне – голодная и по-прежнему дикая. Вылизала тарелку так, что Марфа Григорьевна даже засомневалась: а был ли суп? И потом плакала всю ночь: «Что же это с моей девочкой сделали?»

...Еще накануне в театре тетка сверлила взглядом затылок юной гостье столицы. «Хвост» даже не думал «шифроваться» и откровенно искал встречи глазами. Девушка не придумала ничего лучшего, как убежать в Александровский сад. Тетка села на лавку напротив, и только тогда ее «подопечная» успела запрыгнуть в уходящий автобус.

Няня не удивилась «хвосту» и трясущимся Наташиным коленкам. Няня удивилась тому, что Наташа сама пошла к Кремлю. «Люди вообще стараются в эту сторону не смотреть, – кричала Марфа Григорьевна, – а ты там что – сидела?!»

ВЫРАСТИЛ ОРЕЛ КУКУШОНКА...

И только теперь Наташа узнала, что она вовсе не родная дочь Ежова. У мамы с папой не было детей, и ее взяли из детдома. Девочка

была вся в болячках, головку не держала и не плакала, а рычала, рассказывали приемному внезапно обнаружившиеся московские родственники Ежовых. Наташа отрезала: «У меня других родителей нет!»

Она решила наконец разобраться с маминной «командировкой» – послала письмо на реабилитацию. Потом пришел ответ, что мама не была репрессирована: незадолго до ареста Ежова в госпитале Воровского она умерла от отравления люминалом. А сестра наркома Евдокия Ивановна рассказала, что в больнице маме подкинули анонимку: мол, передает новости о наших стройках за границу. Мама лишилась дара речи, взяла красный карандаш и написала: «Я не виновата». Она до последнего не давала делать себе укол, пока не приехал ее личный врач – единственный, которому она верила...

Отец по-прежнему оставался врагом народа, а Наташа его дочерью. Жалобщиков, идущих к Ворошилову, обычно дальше общественной приемной не пускали, но женщина, просмотрев Наташины бумаги, побелела и выписала пропуск. Не к Ворошилову, конечно, но в кабинет в том же длинном коридоре.

Когда Наташа произнесла фамилию Ежова, из другого конца огромной комнаты подбежал человек и шепотом спросил: «Вы дочь? А фотография его у вас есть?» Наташа заставила себя успокоиться: ничего страшного, это не детдом, они просто любопытные. И достала фотографию, переснятую с того, выпрошенного у нищенки портрета. «Да, – сказал чиновник, с уважением разглядывая наркома и Наташу. – Большая шишка была. Орел!» Но как бы ни считал человек Ежова и его дочь своими, кремлевскими, поднять орла на прежние высоты, он, конечно, не мог.

Свой человек в Кремле у Наташи все же нашелся – давняя подруга матери, вдова Серго Орджоникидзе Зинаида Гавриловна. Старый большевик показывала Наташе кабинет самого Серго, но никогда не водила в тот конец, где сидел Ежов.

Однажды Наташа вышла за хлебом и решила подстеречь Василия Сталина, который жил неподалеку от няни, – просто посмотреть на такого же, как она, кремлевского отпрыска. Промокла до нитки, но разглядела в итоге только мужчину в плаще с надвинутым капюшоном, который сел в автомобиль. Няня сказала: тебя только за смертью посылать!

ЖИВИ НЕ ТУЖИ!

Наташа-путешественница никогда не оставалась без опеки «Главного экскурсионного Бюро». И после ее отъезда в Москве к кому-нибудь из родственников на квартиру приходили молодые люди, которые интересовались такой кудрявенькой, но в их красных корочках вовсе не было написано, что они влюбленные.

В ремесленное училище после детдома Наташу принимали очень долго, потому что руководство с ужасом говорило: «Она же потом пойдет на завод!» Подала документы в физкультурный техникум (папины лыжные уроки не прошли даром) – там испугались, что дочь Ежова может стать олимпийской чемпионкой. Хотела стать летчиком и купила книжек про Чкалова, но все же оказалась в ремеслухе и попала прямо на седьмое небо: пусть сборка часов на дурацком конвейере, зато почти никто не знает, что она дочь Ежова!

Она даже осмелилась сделать с портрета отца увеличенную цветную фотографию и поставить ее в общежитии. И побежала на завод наблюдать свои часы.

Когда вернулась, в комнате уже был начальник-инженер со свитой, который завопил, показывая на фото: «Это кто?!» «Отец», – спокойно ответила Наташа. «Снять!» – завизжал инженер. «СЧАС!» – ответила Наташа невежливо, потому что после детдома часов собрано было еще не очень много. Тогда инженер протянул Наташе спички: «Жги!» Она упала на кровать лицом, но не плакала, пока он жег портрет отца. Когда очнулась, инженера не было, а пол был усыпан пеплом.

Вешалась же Наташа из-за конвейера. Страшно далека была она от рабочего класса и гнала брак не из вредительства – из вредности. А мастер даже представить себе не мог, как тяжело Наташе было просить прощения после детдома, где только извинения и были поставлены на конвейер!.. Веревка порва-

лась, и потом за нее, как за поводок, директор заводок Наташу к себе в кабинет и орал: «Нас бы всех пересадили!» Директор просто знал, кто такая Наташа, и, как воспитатели в детдоме, боялся сюрпризов от нее больше, чем заговора вредителей.

Ее первая любовь заканчивала индустриальный техникум и была немножко тюфяком. Однажды он пришел к ней и заплакал: «Ребята мне говорят: ты будешь инженером, а она часовщик-сборщик. Отговаривают меня». «Ты вообще слушай ребят. Пожалуйста!» – бравировала Наташа. А сама пыталась рассмотреть: вдруг как-нибудь станет понятно, что он не с ней связать себя боится, а просто решил не связываться с ее неперспективным отцом?

Любовь оказалась единственной – такой, о которой можно писать песни всю жизнь. На лирических героев там никогда не падает никакая «тень отца», потому что никакая тень на них вообще упасть не может.

В 1958 году дочь антинародного элемента окончила музыкальное училище по классу самого народного из инструментов – баяна. Получив на руки распределение, Наташа от волнения неправильно прочитала слово «согласна» и воскликнула: «Как это – согласна?»

ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ

Когда она сама попросилась в Магадан, «человек из шкафа» вызвал и спросил: что это вы так далеко от нас собрались? Наташа уезжала на Колыму не только потому, что там уж точно никто не знал, чья она дочь. Еще надеялась – а вдруг? – найти там своего отца.

Естественно, не нашла. Хотя «Николай Ежов» одно время и заходил на Колыму часто – пароход имени наркома возил туда заключенных.

В первом же колымском поселке Ягодное ее сразу по приезде вызвали в КГБ. Здоровенный служивый Жалков схватил Наташу, как в охапку: «Ой, Наталья Николаевна! Вы так похожи на своего отца! Я же с ним воевал!» Не успела Наташа удивиться про себя парадоксам генетики, как Жалков и говорит: «Вам надо авторитет завоевать. Потому что здесь очень много людей по его делу сидело и могут на вас зло сорвать. Но мы вас будем оберегать...» Край земли, поняла Наташа, не сильно отличается от не края.

Молодой человек был женат и работал вместе с ней в клубе киномехаником. Наташа больше не предлагала связать с ней жизнь, а просто объявила ему, что хочет ребенка. Когда Женя родилась, Наташа сбежала в Пензу, вдруг почему-то испугавшись, что молодой человек может их украсть. Как вскоре выяснилось, ее просто не подвела женская интуиция – киномеханика любовь к золоту подвела под стрелную статью. И даже через много лет, найдя самородок недалеко от прииска, Наташа несколько километров неслась по тайге со всех ног, чтобы сдать его родному государству. Это все-таки была Колыма, жить на которой можно только если ты сослал сюда себя сам.

В Пензе у Наташи оставалась комнатка под бронью, которую помогла выбить Зинаида Орджоникидзе. Но когда Наташа приехала с маленькой Женей, обнаружила там еще одну одинокую маму с ребенком. Наташа написала письмо Хрущеву: мол, так жить нельзя. Написала как дочь наркома Ежова, которая вернулась с Севера. И буквально через неделю пришел ответ за подписью Хрущева. Но за то, что Наташа показала себя такой близкой к Кремлю, разозленные местные начальники исполнили указание первого секретаря с недалеком цинизмом: женщины дали новую однокомнатную квартиру, а Наташе оставили угол в коммуналке.

Несколько раз она терла выдержку и свои северные надбавки. И почти каждый год с Колымы наведывалась к родственникам в Москву, но там родня отца ревновала Наташу к родне мамы, а случайно вырвавшиеся междометия, которые «кукушонку» получила вместе с северными надбавками, заставляли интеллигентных родственников разрыдаться. Показывали комнату, которую мама хотела завещать Наташе, но та только ветрено улыбалась и возвращалась на Север, в свои ведомственные временки на обдуваемых чукотских берегах.

В 1964-м попала на Оратукан и тихо пересидела в своем клубе, дрожа, чтобы никто не

узнал в ней дочь виновника счастья здесь каждого третьего. Как не узнала о ее существовании Седова – первая жена сына Троцкого, с которой Наташа прожила бок о бок три года. И поехала дальше, по колымской трассе, проложенной зеками Дальстроя, пятилетний юбилей которого отмечался когда-то новыми ударными достижениями по специальному приказу ее отца.

На Чукотке, за полярным кругом, в Певеке тоже был КГБ, а значит, и люди, знавшие, что она дочь Ежова. Тогда она сорвалась на Айон – уже не край света, а край карты света. Но и там директору ее сдал как «историческую личность» проезжий кагэбэшник с Певека. Директор сначала долго не верил: душа клубя, самый веселый их человек – дочь Ежова? Без нее же ни один Новый год не обходится – до шести утра люди из клуба не уходят, чукчи «мамкой» зовут... А веселый и кудрявый человек, когда поехала на смотр в Певек, сама зашла пожаловаться на болтливого проезжего в КГБ. И его никто в этом квадрате заполярного круга больше не видел.

Но и Наташу тоже. Достаточно было узнать, что кто-то знает, и она начинала собирать вещи. Без видимых для окружающих причин и всегда оставляя песню, посвященную тому месту, с которым прощалась. Но Наташа-то понимала, что не переезжает она, а убегает. Пытаясь найти такое место, где была бы уверена: там людям глубоко по чукотскому барабану, чья она дочь.

Ответственные мужья говорили женам: ты бы лучше с этой Наташей не общалась, а то начальство узнает. А жены отрезали: не скажешь, так и не узнает. В колымском братстве было так заведено: ничего не бояться, потому что «дальше уже не сошлют», и не задавать лишних вопросов, потому что почти каждому есть о чем промолчать. И Наталья начала разделять для себя людей на тех, с кем можно спокойно молчать, и тех, от кого надо прятаться. Мол, пусть человек никогда и не узнает про то, чья она дочь, но оценивать его надо исходя из того, как бы он себя повел, если бы узнал.

В Тахтоямске она общалась с двумя бывшими заключенными. Бывшего политзека боялась, а бывшему полицая могла бы и рассказать про отца. Ей казалось, что политзек, узнав, мог бы и убить. Ведь убили же старика, работавшего недалеко от Магадана на шлагбауме: через несколько десятилетий его нашел человек, у которого старик вырезал во время войны семью. И человека оправдали.

Чуть ли не последним местом, на которое еще можно было убегать, был Валькумей. Здесь, в клубе, в самодеятельности была женщина с почти оперным голосом. Наталья Николаевна решила репетировать с ней романс, который любила напевать мама. «Снова пою песню свою, тебя люблю, люблю...» – выводила холодная, как тундра, «дива» и не понимала, почему художественный руководитель так бьется над этой песней. А у Натальи Николаевны комок подступал к горлу, когда она каждый раз вспоминала, как мама в садике, где жил попутай Петька, напевала и рвала цветы.

ВЕЧНО ЕЖОВА

После десятого класса названная в честь бабушки Женя подбежала к маме и спросила: «А правда, что у тебя отец – шишка?» «Шишка на ровном месте», – начала свой рассказ Наталья. И Женя именно Ежова решила считать своим дедом.

Продолжили рассказ грянувшие, как сезонные осадки, «Огонек» и «Знамя», «Жизнь и судьба» и «Дети Арбата». Одно дело, когда об отце шептались, а другое, когда только о нем и говорили. Наталье Николаевне впервые стало по-настоящему страшно – ее известность веселого человека могла сыграть с ней невеселую колымскую шутку. Мало ли пострадавших от ежовских репрессий танцевало под ее аккордеон от Певека до Анадыря? Вдруг кто из тех плясунков захочет теперь на ней отыграться? И

КРАЙНИЙ СПРАВА – ЕЖОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Наталья Николаевна опять забила в угол.

Книги и журналы как будто хотели заставить ее забыть то, что помнила, и вспоминать то, чего не было. В «Детях Арбата» прочла, что отец пел тенором, у кого-то – баритоном. И отписала Рыбакову: может, он уже скоро басом запоет? В публикациях попадались и фиалковые, и серые, и зеленые глаза наркома. И всегда – пустые. Только фотография с исторического портрета, которая наконец заняла место на стеллаже, напоминала дочери «великого и ужасного», что глаза были серо-зеленые.

Наталье Николаевне прислали выписку из дела Ежова, где в последнем слове он просил позаботиться о своей дочери. Она плакала два дня: если он помнил о ней под дулом пистолета, то как она могла от него отказаться даже теперь, когда все вокруг называли его зверем?

«Нет виновных...» – пишет Наталья Николаевна в стихах и добавляет в прозе, что виновные, конечно, есть. Это она до сих пор одна виновна. И за то, что по весне подмывает колымскую трассу и наглядно видно всем нежелающим смотреть, что она построена на костях. И за скелеты с одной чужеродной дыркой в каждом черепе, что до сих пор находят на месте чукотских лагерей. Во всем теперь виновата только она. Раньше ее считали дочерью шпиона – и теперь, как ни крути, она остается «дочкой выродка, дочкой врага». И кому дело до того, что, может быть, она была последней жертвой ежовских репрессий, рикошетом ударивших по ней после гибели отца.

Наталья Николаевна пошла к своему местному начальнику и сформулировала это в единственно доступной для начальника форме: «Я жертва репрессий?» Нет, сказал начальник. Вы не жертва. Ни по одному закону – ваш отец не реабилитирован.

В 1989 году Наталью Николаевну настиг инсульт. Через полгода она заставила себя встать и поехать встречать Новый год в Москву. Больше на материк она не выбиралась. Врачи запретили брать в руки аккордеон, но врачи все – вредители. Она написала стихотворение: «Вот приехали. И все прекрасно. И останемся здесь навеки. Мы заложники – это ясно – На огромной снежной планете...» И еще про то, что умирать нужно только осенью. А потом написала на реабилитацию отца – в последний раз.

ПОМНИ ИМЯ СВОЕ

Настоящий возраст и день рождения приемной дочери Ежова неизвестен. Сама Наталья Николаевна считает, что указанный в ее метрике 1936 год придуман отцом, как и дата – 1 мая, совпадающая с днем рождения наркома.

Согласно версии няни Марфы Григорьевны, настоящим отцом Наташи был цыган по фамилии Кудрявый. Сестра Ежова Евдокия Ивановна считала, что Наташа – внебрачный ребенок наркома, появившийся после его командировки в Семипалатинск. И цыгане, и уроженцы Средней Азии всегда принимали Наталью Николаевну за свою.

Принципиально другая версия появле-

ния Наташи в семье Ежова содержится в рассказе Василия Гроссмана «Мама». Гроссман, который всегда был очень осторожен во всем, что касалось реальных исторических лиц, написал: Наташа была взята из семьи советского торгового представителя, расстрелянного на подъезде к Москве на станции Негорелое по приказу Ежова.

Вторым секретарем полпредства СССР в Великобритании работал первый муж будущей жены Ежова Алексей Федорович Гладун – в 1927 году. Никаких упоминаний о его дальнейшей судьбе в архивах обнаружить не удалось. Но если учесть, что детство дочери Ежова, описанное Гроссманом, полностью совпадает с воспоминаниями Натальи Николаевны, не слишком ли много совпадений для одного «недокументального» рассказа?

В черновиках Василия Гроссмана никаких указаний на источники его версии появления Наташи в семье Ежова не оказалось. Но в первом черновике есть сцена, когда Наташа в детстве смотрит на фотографию Ежова как на фотографию своего отца и за это ей устраивают «темную».

ТАНГО О МОЛОДОСТИ

Довольно странно было несколько месяцев узнавать ее адрес, потом лететь туда, где московские новости – новости вчерашнего дня, и все только затем, чтобы сказать: вашего отца не реабилитируют. Реабилитация Ежова – как новый суд. Он больше не будет шпионом, но его как будто осудят за всех невинно убиенных. Я стоял перед дверью и никак не мог решиться нажать на кнопку звонка.

Наталья Николаевна очень много смеется. Это подкупает и перестало подкупать только тогда, когда про свое самоубийство она тоже рассказала с какой-то почти потусторонней иронией. Без смеха она говорила лишь о том, что, значит, по закону и ее уже никогда не будут считать жертвой репрессий.

Из окна видны пролетающие вертолеты, которые наверняка совершают санрейсы в поселок, где живет дочь Женя. Поселок по колымским меркам недалеко – всего час десять лету. Вечером меня провожал колымский мат нового жилья, который начал разговаривать с северной ночью, а закончил свою исповедь, обращаясь к утру. Наталья Николаевна повесила бы ковер, да чихать от него начинает. И спрашивает, не знаю ли я про какой-то материал, которым обивают стены пыточных, чтобы не было слышно криков. Мол, странно, что святая инквизиция не додумалась до пыток коридорной системой с тонкими перегородками вместо стен.

Недавно в квартирку Натальи Николаевны пришел местный начальник милиции и сказал: собирайтесь. На отшибе поселка, в снегах, как в фильме «Мертвый сезон», дочь Ежова пересаживали в черную машину магаданского начальника МВД. И после недолгого разговора доставили домой.

Ее письмо со старым тезисом все про то же «так жить нельзя!» настигло генерала Куликова в дивизии Дзержинского, где он

вручал награды героям за Чечню. Генерал, не задумываясь, написал на письме: с дочерью Ежова надо переговорить и вопрос по возможности решить. Наталья Николаевна с удовлетворением отмечает: как все-таки начальники реагируют на фамилию отца – быстро и с порывом уехать за какой-нибудь край! Но помочь ей сменить систему – коридорную – генералы все-таки не в силах.

Самый ценный подарок, который можно сделать Наталье Николаевне сегодня, – это кроссворды. Правда, говорит она, в них часто попадает «душегуб, загубивший в 1936–1938 гг. несколько миллионов ни в чем не повинных людей, четыре буквы». А еще одну из своих многочисленных внучек она попросила принести книжку из библиотеки – только обязательно про индейцев.

Внучки, кстати, про своего прадеда ничего не знают – им это просто ни к чему. А знает местная оперуполномоченная, которая иногда раскланивается с дочерью Ежова по пути на обед. Знают женщины в библиотеке, куда приходит корреспонденция, потому что вслух читают незапечатанное.

Дяденька, который занимается местными репрессированными, не знает и недоумевает, почему Наталья Николаевна никогда к нему не обращалась. Ведь у нее та же манера держаться, что и у других по-разному пострадавших от репрессий. Но она почему-то держится по-другому. И ни одного бывшего зека Наталья Николаевна в поселке не знает. И говорит, что если «мститель» появится на пороге, она еще сможет за себя постоять – они же все старенькие уже.

– Знаете, – говорит Наталья Николаевна, – у нас здесь совсем не страшно. У нас здесь очень холодно. Я почти не вылезаю из квартиры. Очень скользко – а я еще хромаю с инсульта... Только сижу и думаю: как бы дожить до седьмого числа, до пенсии. И в конце месяца чувствую: сдаюсь!

А свои воспоминания, которые она писала в 70-х, подписала «Ежова Н. Н.». И перечислила все раны, которые нанесла ей судьба. Первая – то, что прекратилась сказка. Вторая – что так несчастливо получилось с любовью. А третья – когда испугалась, что никогда не будет больше играть. И это, а никакую не сказку без хорошего конца, она считает самым страшным.

Она взяла аккордеон, чтобы спеть про нелетную погоду над Магаданом, про все поселки, в которые влюблена и сегодня. Песни, непонятные всем тем, для кого «и снится заполярный порт Певек» не строчка, от которой екает сердце. Пусть все вокруг копят деньги на билет «на материк» – Наталья Николаевна не уедет с Колымы никогда.

Наверное, если бы узнали про то, чья она дочь, ребята из местной самодеятельности, то наверняка бы сказали: ну и что? Один из них уехал в Москву предлагать ее танго о молодости спеть Льву Лещенко, но тот вряд ли узнает, потому что песня – это не исповедь и подписана она не «Ежова».

В предисловии к ее сборнику, выпущенному местным издательством, написано, что ее родители были репрессированы. Так показалось автору, который, конечно, ничего не знает. Сборник презентовали, со сцены играли ее песни, и под конец кто-то преподнес картину с красивым северным пейзажем. Наталья Николаевна спросила: от кого? «От КГБ», – ответили ей вкрадчиво. И Наталья Николаевна улыбнулась: ну вот, снова достали. Подумаешь – просто кто-то «великий и ужасный» опять очень искренне, не спросив разрешения, посчитал ее своей. ■

Особая благодарность автору книги «Тринадцать железных наркомов» Владимиру Некрасову, наследникам Василия Гроссмана Федору Губеру и Екатерине Коротковой-Гроссман и всем тем, кто попросил не упоминать своих имен.

Фото из архива автора

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№10 (163) от 15.10.2019
Учредитель и издатель:
ООО «Совершенно секретно-Украина»

04080, г. Киев, ул. Фрунзе, 104, этаж 6, к. 27
Генеральный директор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 18953-7743 ПР
выдано Гос. регистрационной службой
Украины 02.03.2012
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г

Телефон редакции: (044) 207-97-11
e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Реклама: тел./факс: (044) 207-97-11
При подготовке номера использованы
материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содержание
рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.

Тел. (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2019
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ №73343

В октябрьском
номере читайте:

- НОРМАНДСКИЙ ФОРМАТ, ПЛАН ШТАЙНМАЙЕРА
- СЕКС, КОКС, АЛКОГОЛЬ
- ТРАМПУ БЕЗ ИМПИЧМЕНТА УЖЕ НЕ ВЫБРАТЬСЯ
- БЮДЖЕТ-2020

уже
В ПРОДАЖЕ

Свідоство
про держреєстрацію
Серія КВ,
№ 18953-7743ПР
від 02.03.2012р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты спецслужб»

СЛУХАЙ, ЩОБ ЗНАТИ

ГОЛОС
СТОЛИЦІ 106^{FM}